

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРЫ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРЫ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

**Б И Б Л И О Т Е К А
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
КАРЕЛИИ**

под общей редакцией
А. АСТАХОВОЙ и В. БАЗАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1947

**С Е В Е Р Н Ы Е
ИСТОРИЧЕСКИЕ
П Е С Н И**

Подготовка текста, статья и примечания
А. АСТАХОВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1947

Отв. редактор *А. М. Астахова*
Обложка, контртитул и титул работы
художника *М. И. Разулевича*

4¼ п. л. 4¼ уч.-авт. л. Формат
бумаги 84×108¹/₁₆. Госиздат Карело-
Финской ССР № 137. Зак. 1374.
Тираж 7000 экз. Е—04865. Цена 3 руб.

Типография № 3 Управления изда-
тельств и полиграфии Исполкома
Ленгорсовета

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ РУССКОГО НАРОДА

К историческим песням относят такие эпические произведе-
ния, которые, в отличие от былин, с их фантастическим содержа-
нием и вымышленными героями-богатырями, дают отклик на кон-
кретные исторические события и повествуют об определенных
исторических лицах.

Тесную связь исторических песен с историческими фактами
можно проследить на ряде примеров. Песня о взятии Казани отра-
жает действительное событие 1552 г.; в песне выведен царь
Иван IV, на самом деле руководивший штурмом Казани; песня
об осаде Пскова тоже трактует о реальном событии 1581—1582 гг. —
героической обороне Пскова во время войны с польским королем
Стефаном Баторием. В песнях упоминаются цари Иван Грозный,
Алексей Михайлович, Петр Великий, Елизавета Петровна и др.;
известные полководцы Михаил Скопин-Шуйский, Шереметев,
Суворов, Румянцев, Кутузов; герои народных движений — Степан
Разин, Пугачев. В былинах, хотя и преломляются воспомина-
ния об известных исторических событиях (походах древне-русских
князей, нашествиях татар и др.) и о некоторых исторических
лицах (о князе Владимире Святославовиче, о дяде его Добрыне,
о татарском хане Батые), конкретная историческая основа трудно
определима, а исторические имена составляют чисто внешний
момент.

Различие между былинной и песней выражается не в количе-
ственном соотношении исторических элементов и не в том, что
былина, как более древнее создание народного творчества, должна
была отойти от исторического факта и впитать фантастику.
Былина дает отражение исторической действительности в широ-

ких художественных обобщениях, собирая и объединяя впечатления от целого ряда событий; она создает образы и типы на основе поэтической гиперболы. Историческая песня стремится осмыслить отдельное конкретное событие и рисует образы исторических деятелей в соответствии с историческими данными. Вместе с тем исторические песни не следует рассматривать как историческую хронику. В них нельзя искать точного изображения фактов. Исторические воспоминания о разных событиях и эпизодах иногда смешиваются; события связываются порой с именами исторических деятелей, которые не принимали в них фактического участия. Царь Иван Грозный по песне покушается на убийство сына своего Федора — история знает убийство старшего сына Ивана. Известный эпизод столкновения Грозного с пушкарями (песня о взятии Казани) — очевидная поэтическая выдумка, так же как и посещение Щелканом (песня о Щелкане Дудетьеве) своей сестры и предсказание ею гибели брата. Любимый народный полководец Суворов появляется в песне, относящейся к событиям 1741—1743 гг., в которых он еще никак не мог принимать участия.

По словам А. Н. Веселовского, „ценность исторической песни не и измеряется её верностью летописной действительности“¹. Главное состоит в раскрытии смысла и значения воспроизводимых событий, в отражении народного отношения к тому или иному историческому деятелю. В исторических песнях заключена своя художественная и историческая правда, которая и делает эти произведения ценнейшим памятником нашего прошлого. Это огромное значение исторического народного творчества в свое время было подчеркнуто А. М. Горьким, говорившим, что у народа свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и что это мнение часто расходится с оценками истории, написанной специалистами². Материал отдельных событий служил народу как бы поводом к высказыванию своей точки зрения по вопросам, поднятым исторической действительностью, к выражению своего мировоззрения. Вот почему многие исторические песни, подобно былинам, пережили время своего возникновения и продолжали жить в позднейшие эпохи.

Историческая песня — новый и более поздний по отношению к былинам этап в развитии русского эпоса. Наиболее старые из известных нам исторических песен относятся ко времени татарщины. Но особенно интенсивно начинает развиваться историческое песенное творчество с XVI в. Сложная историческая обстановка

¹ А. Н. Веселовский. „Две варшавские диссертации“. В. Е., 1872, август.

² М. Горький. Доклад на I Всесоюзном съезде писателей. Литературно-критические статьи, ред. С. М. Брейтбурга, М., 1937, стр. 643.

эпохи роста и укрепления Московского национального государства выдвинула перед народным сознанием новые жизненные вопросы; их поэтическое осмысление и разрешение не могло быть осуществлено художественными средствами богатырского эпоса. Широкие обобщения, в которых теряется конкретное содержание отдельных событий, персонификация народной силы в образах богатырей, гиперболлизация, фантастика, так великолепно передававшие картины многовековой борьбы русского народа с иноземными захватчиками в эпоху феодализма, были мало пригодными для передачи смысла событий нового времени. Возникает новый исторический жанр, более реалистичный, отражающий отдельные, хотя и имеющие общее значение, выдающиеся явления исторической жизни.

Это становление нового жанра происходило параллельно развитию и бытованию еще вполне жизнеспособного и полнокровного былинного эпоса. Отсюда неизбежное воздействие последнего на склад и общий характер некоторых ранних исторических песен. В них и меньшая отчетливость связи с конкретными фактами, и насыщенность фантастикой, и близкая к былинной обрисовка персонажей, и использование традиционных приемов былинного стиля. Такое сближение обоих жанров происходило в особенности там, где былины и исторические песни жили рядом, как это и было в б. Олонецком крае. Здесь одни и те же мастера-сказители исполняли и былины и исторические песни, не делая между ними различия, одинаково именуя их „старинами“. Поэтому в северном русском эпосе мы находим песни, которые с одинаковым правом можно отнести к былинам и к историческим песням, и которые образуют как бы промежуточный жанр между ними. Таковы, например, песни об Авдотье Рязаночке, о Щелкане Дудетьевиче, о Кострюке.

„Авдотья Рязаночка“, представляющая, вероятно, обработку какого-то местного исторического предания, связанного с восставлением родного города после разорения его татарами, настолько похожа на былинку и общим своим складом, и изображением центрального героического образа, что иногда даже включается в сборники былин¹. Полны былинных мотивов и песни о Щелкане (образ врага-насилльника, расправа с Щелканом „двух удалых Борисовичей“ в варианте сборника Кирши Данилова и др.), хотя они и связаны с определенным историческим фактом. Сюжет Кострюка чрезвычайно близок к былинам о столкновении иноземного „нахвальщика“ с русским силачом.

¹ См. Ю. М. Соколов. Былины. Учпедгиз, М., 1937.

Особенно большое место в историческом песенном творчестве занимают песни о военных событиях. Свергнув татарское иго, Московское государство от оборонительной борьбы перешло к войнам наступательным, имевшим для него огромное жизненное значение: их задачей было возвратить захваченные соседями исконно славянские земли, проложить торговые пути, пробиться к морю. Историческая песня откликнулась на все выдающиеся эпизоды военной истории Русского государства. Она воспела и взятие Казани Иваном Грозным, и завоевание Сибири Ермаком, и борьбу за старинные русские города на западных рубежах — Полоцк, Великие Луки, Псков, Смоленск, и освобождение Москвы от польских интервентов в начале XVII в., и блестящие победы русского народа при Петре Великом. В дальнейшем в исторических песнях запечатлелись войны с Турцией, Швецией и Пруссией в XVIII в., Отечественная война 1812 г., героическая оборона Севастополя, новые войны с Турцией в XIX в. и др.

Исторические песни о военных событиях проникнуты национальной героикой и патриотизмом. В них ярко выразилась готовность русского народа стоять за родную землю до последней капли крови, бороться за честь и величие родины. Через все песни проходит мысль о творческой роли в военных победах самого народа — солдатских масс и их военачальников. В прекрасной песне об осаде Пскова польским королем Баторием московские воеводы на все требования и угрозы врага категорически отказываются сдать город „без бою, без драки великия“. Особенно сильно выражена эта мысль в песнях о „думе“ царя или полководца со своими советниками и с армией. Представители последней всегда выражают геройскую решимость „не отдавать родного строеньца“, а „стояти за него“, не отступать перед трудной задачей, а пытаться взять неприятельские укрепления „белой грудью“. С большой художественной силой изображается самый подвиг, героем которого и является солдатская масса:

На восходе было краснова солнышка,
На закате было светлова месяца,
На заре они на приступ пошли
Под тот ли под славный под Азов-город,
Что под те ли стены белокаменные.
Ах под те ли под раскаты под высокие.
Что не с гор ли белы камни покаталися,
Покаталися со стен неприятели;
Не белы снеги в поле забелелися,
Забелелися белы груди басурманские,

Ах не с дожидчка ручьи разливалися,
Разливалася тут кровь нечестивая.

(„Дума об Азове“, Киреевский, VIII, стр. 80).

Таковы песни о Земском соборе при царе Алексее Михайловиче, о взятии Азова и др.

В песнях воплощена также мысль об огромной роли и значении полководца, как организатора военных побед, и дан идеал полководца, одновременно великого и простого, вдохновителя побед и друга солдата, своим личным примером воодушевляющего массу. Облик такого полководца намечается уже в равных исторических песнях, например, в изображении талантливого полководца Михаила Скопина-Шуйского, сыгравшего выдающуюся роль в борьбе с западными интервентами в конце XVI и начале XVII вв. Черты идеального полководца видел народ в Петре Великом, дела которого воспел в многочисленных песнях.

Особенно ярко выражена народная любовь к Петру в известной „Плаче войска о Петре Великом“ (Киреевский, VIII, стр. 286), в котором заключен призыв войска к умершему любимому полководцу снова возглавить всю армию, готовую выступить против врага:

Все полковнички во своих полках,
Подполковнички на своих местах,
Все майоры на добрых конях,
Капитаны перед ротами,
Офицеры перед взводами,
А прапорщички под знаменами, —
Дожидают они полковничка,
Что полковничка Преображенского,
Капитана бомбандирского.

Героем песен петровского цикла является также известный сподвижник Петра I — Б. П. Шереметев. Много песен посвящено Суворову, Румянцеву, Кутузову.

В процессе развития исторического песенного творчества складывались сюжеты, которые особенно четко воплощали политические идеалы народа. Эти сюжеты становились популярными и применялись к разным историческим событиям и деятелям. Такой распространенный песенный сюжет мы видим в песнях, повествующих об угрозах врага и о достойном ответе на них со стороны полководца-патриота („Пишет, пишет король прусский“ и т. п.). Ответ храброго воина облечен в этих песнях в поэтический образ отменного „угощения“ врага „медными пушками“, „вольными пулями“, „штыками-ружьями“ и др. Пафос сюжета — в передаче патриотических чувств русского народа, всегда готового дать сильный отпор притязаниям любого врага. Сюжет был применен и к Суворову, и к Румянцеву, и к Кутузову. Другим столь же

популярным сюжетом в цикле о военных событиях был сюжет о допросе пленного майора, обрисовывающий русского полководца со стороны его храбрости и проницательности.

Несмотря на свою повторяемость в разных циклах, подобные традиционные схемы давали возможность воспроизводить индивидуальные черты русских полководцев. Так в песнях о Суворове вместе с легендарной неустранимостью подчеркивается его близость к солдатам, его сердечная простота, его тонкий народный юмор; в песнях, посвященных Кутузову — спокойный величавый облик полководца, уверенного в силе русской армии.

Из врагов русского народа с наибольшей ненавистью изображен король прусский Фридрих II, которого песня называет „лютым королем“, подчеркивая его непомерные притязания и необоснованное бахвальство:

Уж я с силушкой сберуся — сквозь земелюшку пройду:
Во Питере пообедаю, в Москву ужинать приду,
Под Москвой-то я ночую, поутру рано в нее вступлю,
Поутру рано вступлю, всем фатеры распишу;
Уж я конницу-драгун по мещанским домам,
Генералешек которых по господским домам,
Уж сам-ат, король Прусский, середь каменной Москвы,
Середь каменной Москвы, в государевом дворце.

(Киреевский, IX, стр. 84)

Чувством глубокой национальной гордости полны песни, изображающие взятие русскими Берлина (событие 9 октября 1760 г. — конечное торжество над самонадеянным врагом), а также песни рассказывающие, как русские освобождали родную землю в 1812 г.

В исторических песнях находим замечательные зарисовки военных действий — штурм вражеских укреплений, взрыва крепостных стен при помощи подкопа, морских походов на вражеские корабли и др.

* * *

Другая значительная линия в историческом народном творчестве — изображение социальных конфликтов, явившихся в результате обострения классовых противоречий в эпоху роста и укрепления Московского государства. Мотивы социального конфликта часто находим в самих песнях о военных событиях: именно среди высшего боярства обнаруживаются обыкновенно лица, готовые уступить притязаниям врага, напротив, народ — солдатская масса, а также представители демократических слоев („меньший боярин“, например, в песне о Земском соборе) стоят за решительную борьбу

с врагом¹. Но кроме этого, создаются и специальные песни, отражающие массовые народные движения, направленные на освобождение от социального угнетения. Это песни о крестьянских восстаниях, о народных вождях XVII—XVIII вв. — Разине и Пугачеве. Они изображают походы Разина, Пугачева и их товарищей, столкновения с царскими воеводами, отношение к казацкому кругу, смерть героев. Песни эти отразили настроения социального протеста, ненависть народа к своим угнетателям — „князьям“, „боярам“, „воеводам“.

Вместе с тем народ в своем творчестве высказывает положительные оценки тем представителям государственной власти, которые решали великую задачу образования могучего национального государства. Иван Грозный, герой Казанского похода и прибалтийских войн, одновременно ведший беспощадную борьбу с сепаратистскими тенденциями внутри государства, с ненавистным народу старым феодальным боярством, очерчен в песнях с нескрываемой симпатией. Даже в тех песнях, в которых народ касается недостатков характера Грозного — его вспыльчивости, его крайней мнительности и подозрительности — отмечены, с другой стороны, — „отходчивость“ Грозного, его справедливость, и самые вспышки гнева находят обоснование в стремлении искоренить „измену“.

* * *

Еще старшие исторические песни, близко соприкасавшиеся с отдельными мотивами и в особенностях поэтики с былинами, заметно отличались от последних большим лаконизмом.

Дальнейшее развитие исторической песни происходит в направлении сокращения текста и разработки особой композиции. Историческая песня в том виде, в каком она сформировалась в XVII—XVIII вв., передает события не в развернутом эпическом повествовании, а гораздо более сжато, „эскизно“, выделяя лишь те моменты события, которые раскрывают идею песни. Одновременно она все более и более проникается лиризмом, который выражается или в особых лирических запевках и концовках (см., например, песни „Полтавское дело“, „Платов и Кутузов“ и др.) или в лирической окраске самого события. В результате, историческая песня сближается с лирической песней, по преимуществу с солдатской и бытовой.

Историческая песня в значительно меньшей мере, чем былина,

¹ Тема социального конфликта проникает в XVI—XVII вв. и в былинный эпос, образуя эпизоды столкновения богатыря с князем и его „князьями-боярами“ (Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром).

пользуется гиперолой. От обычной для феодального эпоса фантастической трактовки событий и образов она переходит к реалистическому изображению. Но такие средства картинного и эмоционального стиля, как изобразительный параллелизм, отрицательные и положительные сравнения, тавтологии и повторения, характерные для народной песни вообще, в исторической песне применяются постоянно и часто с большим мастерством.

Историческая песня, в отличие от северной былины, бытует обычно (за исключением самых ранних песен) в хоровом исполнении, что определяет и ее иную, чем у былины, ритмическую структуру, опять-таки близкую к ритмике лирической и лироэпической протяжной песни. В дальнейшем своем развитии, уже в XVIII и XIX вв., историческая песня, как и другие песенные жанры, испытывает на себе влияние книжной поэзии. Это сказывается на ее ритме, который начинает приближаться к силлаботоническому стиху, к классическим стихотворным метрам, а также на поэтическом языке — лексике, синтаксисе и пр. Характерным образцом такой поздней исторической песни является, например, популярная песня о Платове в гостях у француза.

* * *

Исторические песни складывались вначале по преимуществу в пределах Московского государства и в районах, бывших непосредственной ареной политических событий. Так, песни о крестьянских восстаниях создавались главным образом в Поволжье, где они отыскиваются и до сих пор; песни о военных событиях XVI—XVII вв. наибольшее распространение получили в средней России. XVI—XVIII вв. — период становления и развития русского национального государства — вообще явились временем наиболее интенсивного творчества в области исторической песни. С середины XVIII в. историческая песня начинает сосредоточиваться в кругах непосредственных участников военных событий — солдат и казаков. Те из солдатских и казачьих песен, которые касались событий, имевших общее значение, переходили в крестьянскую среду и становились общенародными. Таковы, например, многие песни о войнах конца XVIII в. и об Отечественной войне 1812 г. И лишь самые поздние военные песни, связанные с персидскими и турецкими походами XIX в. и с эпохой завоевания Кавказа, сосредоточились преимущественно в казачьих поселениях на Дону, Кубани, Тереке и в Оренбургском крае.

Из районов своего возникновения исторические песни заносились на Север. Здесь они, так же как и былевой эпос, находили опору в идеалах силы и свободы, культивируемых северным крестьянством, а также в его глубоком патриотизме. Но, будучи

с XVII в. оторванным от главной арены исторических событий, Север воспринял по преимуществу песни более ранние, связанные главным образом с эпохой XVI и начала XVII вв. В репертуаре Севера мы находим также песни, относящиеся к военным походам XVIII в. и наиболее популярные песни 1812 г. Бытуют на Севере и песни разинские, но далеко не во всем сюжетном многообразии этого цикла. Песни же о Пугачеве на Севере вовсе не зарегистрированы. Объясняется это главным образом тем, что как разинские, так тем более и пугачевские песни являлись в свое время песнями подпольными и не могли открыто распространяться. Поэтому их бытование было ограничено в основном районами их возникновения — Поволжьем и Уралом. Песни более поздние, касающиеся событий и походов второй половины XIX в., встречаются на Севере лишь эпизодически.

Карелия, сохранившая до наших дней чудесное наследие героического эпоса, знает многие исторические песни. Но записи исторической песни в свое время, в ранний период фольклорной собирательской работы, в Карелии не были многочисленными. Все внимание собирателей было направлено на богатырский эпос, историческая песня записывалась лишь попутно и специально не разрабатывалась. Вследствие этого мы не находим иногда в записях из Карелии песен, которые несомненно там были, поскольку в смежных областях они оказались записанными.

Поэтому в нашем сборнике избранных исторических песен мы даем образцы песен не только в записях из Карелии, но и из других областей Севера, чтобы дать общее представление о репертуаре исторических песен русского Севера.

А. АСТАХОВА

1.

АВДОТЬЯ ЖЁНКА РЯЗАНОЧКА

Подступал тут царь Бахмет турецкий,
И разорял он старую Казань-город подлесную,
И полонил он народу во полдн сорок тысячей,
Увел весь полдн во свою землю.
Оставался во Казани одна жёнка Рязаночка.
Стосковалась жёнка, стореваляся:
У ней полонил три головушки,
Милого-то братца родимого,
Мужа венчального,
Свёкра любезного.

И думает жёнка умом-разумом:
— Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единые головушки
На дорог хороши на выкупу.

Царь Бахмет турецкий,
Идучи от Казани от города,
Напустил все реки-озера глубокие,
По дорогам поставил он всё разбойников,
Во темных лесах напустил лютых зверей,
Чтобы никому ни пройти, ни проехать.
Пошла жёнка путем да дорогою:
Мелкие-то ручейки бродом брела,
Глубокие реки пльвом пльла.
Широкие озера кругом обошла.
Чистые поля — разбойников о полночь пршла.

(О полночь разбойники опочин держат),
Тёмные леса—лютых зверей о полдн пршла
(О полдн люты звери да опочин держат),
Она так пршла да путем да и дорогою.
Пришла де во землю турецкую,
К царю Бахмы турецкому,
Понизёшеньку ему поклонилася:
— Ты, батюшка, царь Бахмет турецкий!
Когда ты разорял старую Казань-город подлесную,
Полонил ты народа сорок тысячей,
У меня полонил три головушки:
Милого-то братца родимого,
И мужа венчального,
Свёкра любезного,
И пришла я к тебе выкупати хотя единые голо-
вушки

На дороги ли хоть на хорошие выкупу.

Отвечал ей царь, ответ держал:
— Ты, Авдотья жёнка Рязаночка!
Как ты пршла путем да и дорогою?
У меня напущены были все реки-озера глубокие,
И по дорогам были поставлены разбойники,
А во темных лесах были напущены люты звери,
Чтобы никому ни пройти да ни проехать.

Ответ держит ему Авдотья жёнка Рязаночка:
— Батюшка, царь Бахмет турецкий!

Я так пршла путем да и дорогою:
Мелкие-то речушки бродом брела,
А глубокие речушки пльвом пльла,
Чистые поля — разбойников о полночь пршла
(О полночь разбойники опочин держат),
Тёмные леса—лютых зверей о полдн пршла.
(О полдн люты звери опочин держат),
Я так пршла путем да и дорогою.

Говорит ей царь Бахмет турецкий:
— Ты, Авдотья жёнка Рязаночка!
Когда ты умела пройти путем да и дорогою,
Так умей-ка попросить и головушки
Из трех единые;
А не умеешь ты попросить головушки,
Так я срублю тебе по плеч буйну голову.

Стоючись жёнка пораздумалась,
Пораздумалась жёнка, порасплакалась:
— Уж ты, батюшка, царь Бахмет турецкий!

Я в Казани-то была жёнка не последняя,
Не последняя я была жёнка, первая.
Я замуж пойду, так у меня и муж будет,
Свёкра стану звать батюшкой;
Приживу я себе сына любезного,
Так у меня и сын будет;
Приживу я себе дочку любезную,
Воспою-скормлю, замуж отдам,
Так у меня и зять будет.
Не видать мне будет единые головушки,
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и по веку.

Сижучись де царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался;
— Ты, Авдотья жёнка Рязаночка!
Когда я разорял вашу сторону Казань-город
подлесную,
Тогда у меня убили милого-то братца родимого:
Не видать буде век да и по веку.

За твои-то речи разумные,
За твои-то слова за хорошие
Ты бери полбну, сколько надобно:
Кто в родстве, в кумовстве, в крестном братовстве.

Начала жёнка ходить в земле турецкие,
Выбирати полон во свою землю.
Она выбрала весь полон земли турецкие,
Привела де полон во свою Казань-город подлесную,
Расселила Казань-город по-старому,
По-старому да по-прежнему.

2.

ЩЕЛКАН ДУДЕНТЬЕВИЧ

А на стуле на бархате,
На золотом, на ременчатом
Сидел тут царь Возвяг,
Возвяг сын Таврольевич.
Ен-де суды рассуживал,
Все дела приговаривал
И князьёв-бояр жаловал
Селами, поместьями,
Городам с пригородками.
И Хому дарил Токмою
И Ерёму—Новым-городом.

И Щелканушка дома не случилось,
И уехал Щелканушко
Ен во землю литовскую,
Ен для чёртова правёжу,
Ради дани и выходу.
Ен-де с поля по колосу брал,
С улицы по курицы,
С мужика по пяти рублей.
У кого-де пяти рублей нет,
У того он жёнү берёт.
У кого как жены-то нет,
И того самого берёт.
Как у Щелкана не выробишься,
Со двора вон не вырядишься
Как приехал Щелканушко
Из земли из литовские
Ко царю на широкой двор:
— Токо-токо ты, царь Возвяг,
Царь Возвяг сын Таврольевич!
И ты суды рассуживал,
Все дела приговаривал.
Всех князьёв-бояр жаловал
И селами, поместьями,
Городам с пригородками.
И Хому дарил Токмою
И Ерёму—Новым-городом.
Подари-тко, Щелканушка,
Ты любимого зятюшка,
Мёня Тверию городом,
Мёня Тверию славною,
Мёня Тверью богатою,
Двумя братцами родными
И князьём благоверными,
И Борисом Борисовичом
И Митриём Борисовичом.
— Говорит ему царь Возвяг:
— Ты, любимые зятюшко,
Щелкан сын Дудентьевич!
Заколий-ко чада малого,
Своего сына любимого,
Ты Гордея Щелкановича.
Нацеди-ко ты чашу руды,
Токо чашу серебряную;
Выпей ту чашу руды,

Стоючись перед Звягой царём,
Перед Звягой Таврольевичем.

Токо взявши Щелканушко
Заколоч чада милого,
60 Своёго сына любимого
И Гордея Щелкановича.
Нацедил же ён чашу руды,
Токо чашу серёбряную,
Выпил ту чашу руды,
Стоючись перед Звягой царём,
Перед Звягой Таврольевичем.

Подарил ёго царь Возвяс
Его Тверию городом,
Его Тверию славною,
70 Его Тверью богатою,
Двумя братцами рóдными
И князьём благоверными
И Борисом Борисовичом
И Митриём Борисовичом.
И поехал Щелканушко,
И заехал Щелканушко
Ко родной сестры проститися,
Токо к Марье Дудентьевной:

— Ты прощай, моя рóдна сестра,
80 Токо Марья Дудентьевна.
— Ты прощай же, мой рóдной брат,
Ужо по́ роду рóдной брат,
По прозванью окаянной брат.
И кабы́ ти уехати
И назад не приехати.
Кабы́ ти самому на ножи остыть.
И на сабли на вострые.

И уехал Щелканушко,
Еще сам головой вёршил.

3.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Вы, молóдые ребята, послушайте,
А мы, стары старики, да будем сказывати
Про Грозного царя Ивана Васильевича,
Как государь-царь Иван Васильевич
Казань-город покорил,
Под Казанку под реку он подкопы подводил.

За Сулай за реку бочки с порохом катил,
А он пушки и снаряды в чистом поле расставлял:
А татаре-то по городу похаживают,
10 Они всякие похажности оказывают,
Они Грозному царю да надсмехаются:
— Не бывагь нашей Казани да за белым царем!

Как тут государь-царь Иван Васильевич,
Государь-царь поразгневался,
Что подрыв-то так долго медлится,
Приказал тут он да пушкарей казнить,
Всех подкопщиков да й зажигальщиков,
Как тут все пушкари призадумались,
Призадумались да запечалилися.

20 А один пушкарь поотважился,
Говорит пушкарь да таково слово:
— Ты позволь, государь, слово выговорить.

Не успел пушкарь слово вымолвить,
Как тут догорели зажигальные свечи,
Вдруг рóзорвало бочки с порохом:
Стены крепости бросало за Сулай за реку.
Татаре тут все устрашилися,
Они белому царю да покорилися.
Говорят те татаре таково слово:
30 — Вечно быть нашей Казани под святой Русью,
Под святой Русью непобедимою,
Непобедимою, богом любимою.

4.

ОСАДА ПСКОВА БАТОРИЕМ

Степан, Степан земли Полоцкой
Собака царя крымского,
Нафалается собака на три города:
На первый на город на Полоцкой град,
На другой на город на Великие Луга¹,
На третий на город на Обской град².
Он Великие Луга проходом шел,
Под Обской град посла послал,
Самолучшего поганого татарина.
10 Приходил он к той ко стене городовая,

¹ Великие Луки.

² Псков.

Он и крепко кричал зычным голосом,
Что и все во городе услышали —
Все немцы, французы премудрые
И те же воеводы московские.
И отвечают воеводы московские:
— Что не даем мы вам граду без бою,
И без бою, без драки великия,
Без того кровопролития немалыя,
Уповаем на пресвятую богородицу,
30 Не даем вам, собакам, на поругание!

Тут сидят три милые братца названные:
Михайло Скопин сын Васильевич князь,
Борис Петрович Шереметев князь,
Никита Вольхонский Романович князь.
Тут собака в поворот держал на Чуренчу-реку,
Ко Степану королю, к самолучшему поганому
татарину.

И вынимает он со главы колпак земли греческой,
И поклоняется собаке до сырой земле:

— Уж ты ах же ты, батюшка Степан королю!
40 Ходил я под Обской град,

Ко той ко стене пришел городовья,
А и крепко кричал зычным голосом,
Что и все во городе услышали,
Все немцы, французы премудрые
И те же воеводы московские.
Отвечают воеводы московские:

„Не дадим мы вам городу без бою,
Без бою, без драки великия,
Без того кровопролития немалыя,
40 Уповаем на пресвятую богородицу,
Не даст вам, собакам, на поругание!“
Тут сидят три милые брателка названные:
Михайла Скопин сын Васильевич князь,
Борис Петрович Шереметев князь,
Никита Вольхонский Романович князь..
Тут я и поворот держал.

Степану королю да за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
60 Заправлял он пушечки свои боёвые,
О двенадцати ядрышек свинцовых,
Набирал собака силы по три тьмы и по три
тысячи.

И поехал собака под Обской град,
Становился собака за три поприща,
До самой матери пресвятой богородицы —
И наводит собака по семи золотым маковицам.
Обернулося ядрышко свинцовое
А Степану королю в груди черные.
Вся сила поганая ослепнула,
И стала она промеж собой сечь и сечь,
60 Не осталось силы и на сямьяна.

5.

КОСТРЮК

Как у нас было на матушке на святой Руси,
На святой Руси, да в каменной Москвы,
Государь Грозной царь Иван Васильевич
Не похотёл жаниться в каменной Москвы,
А похотел жаниться в поганой Литвы
У того Кострюка да у Демрюковича,
У того Кострюка да у черкасовина.
Оны съездили-то в погану Литву,
Подымали-то Марью Демрюковну.
Он брал-то в приданое триста татариннов,
Он брал-то в приданое триста поганых,
Он брал-то в приданое любезного шурина,
Кострюка да Демрюковича,
Сына он брал да черкасовина;
Приезжали оны в каменну Москву,
Принимали с Марьей по злату венцу.
Заводился у царя да почестен пир,
На многих князей да на бояров,
На сильных могучиих богатырей,
70 На всех поляниц да на удалых
И на всех гостей да приходящих.
Как пир у них идет да на веселе,
День-то идет да ко вечеру,
Красно солнышко идет да ко западу;
Как все тут на пиру напивалися,
И все тут на пиру наедалися,
И все на пиру пьяны-веселы сидят.
Как сидит тут государев шурина
Кострюк да он Демрюкович,
80 Сын-то он да видь черкасовина,

Он не ест, не пьет Кострюк, да он не кушает,
Белой лебедушки Кострюк да он не рушает,
Белым сахаром Кострюк да не закусывает.
Тут подходит к нему государь Грозной царь Иван
Васильевич,

Сам он говорит да таково слово:
— Ай же шури́н мой любезный, Кострюк да
Демрюкович,

Ты почто не ешь, не пьешь, да ты не кушаешь,
Белой лебедушки, Кострюк, да ты не рушаешь,
Белым сахаром, Кострюк, да не закусываешь?

40 Или место тебе да не полюби,
Али чаркой тебя да пообнесли,
Аль невежда над тобой да насмеялась де?
Тут ответ держал Кострюк да он Демрюкович,
Сын-то он, держал, да видь черкасовин:
— Ай же ты, государь, Грозной царь Иван
Васильевич,

Да место-то мне видь полюби,
И чаркою меня да не обнесли,
И никто надо мной не насмеялся де,
А я-то не ем, не пью да ведь не кушаю,
50 Думу я думаю крепкую:
Есть ли те у вас да в Москвы борцы-молодцы
Со мной Кострюком поборотися,
Со мной Кострюком поводится,
Этыя силки отведати,

А царя припотешить Ивана Васильевича;
Я триста борцов победил,
Пятьдесят городов под себя покорил,
А когда московских борцов поборю,
Тогда каменну Москву я под себя возьму.
60 Как тут ли государь Грозной царь Иван Васильевич
Говорит-то он да таково слово:
— Ай же ты, Никита Романович,
Ты выдь-ко на крыльцо да на красное,
Закрычи-тко ты во всю голову,
Чтобы слышно было на всю Москву:
Есть ли у нас да в Москвы борцы,
Есть ли у нас да в Москвы молодцы,
С Кострюком поборотися,
С Кострюком поводится,
70 С государевым шурином,
Этыя силки отведати,

А царя припотешить Ивана Васильевича.

Как по грехам сочинилося
И в Москвы борцов не пригодилося,
Как только случилося, как только пригодилося,
Два брата Одреевичи:
Один Васенька маленькой,
Да Обросенька хроменькой.
Как Васенька бежит-то поскакивает,
А Обросенька с ножки на ножку припадывает.
80 Прибежали оны на царской двор
И раскочились оны да по царскому двору,
Самы говорят да таково слово:
— Здравствуй, старшой князь да Никита Рома-
нович,

Сметь ли нам поборотися,
Да сметь ли нам поводитися
С государевым шурином,
С Кострюком да Демрюковичем
С сыном-то да черкасовином;
90 Но не будем ли в опене великие,
Но не будем ли в опале во царские?
Но на том мы и бороться пойдем:
Кто кого поборет, с подборотнего платье снять
И нагого по двору опустить,
По двору да по царскому, по крыльцу да по
красному.

Как тут Никита Романович
Приходит во палаты белокаменны,
Сам он говорит да таково слово:
— Как хлеб-соль на столе

100 И бог на стены,
А у нас борцы на дворе.
Как тут ли Кострюк да Демрюкович
Он с тоя со великие радости
Он повскочил из-за стола дубового
И он пнул ногой в скамейку кленовую,
Он тридцать победил да татаринив,
Тридцать победил да поганых.

— Буди проклят ты, Кострюк да Демрюкович!
Как бы тебе туда на двор иди,
110 А оттуда бы тебе со двора не придти!
Тут повыскочил Кострюк на широкой двор.
Говорит тут Обросенька хроменькой:
— Не хочу я с Кострюком-то боротися,

Да не хочу я с Кострюком-то и водиться,
И не хочу я с Кострюком-то и рук марать.

А говорит тут Васенька маленькой:

— Ну я пойду с Кострюком-то боротися,
И я пойду с Кострюком-то поводитися,
Этыя силки отведати,

120 А царя припотешити, Ивана Васильевича;
Но не буду ли я в опёне великие,
И не буду ли я в опале во царские?
Но на том я и боротся пойду:
Кто кого поборе, с подворотнего платье снять
И нагого по двору опустить.

Говорит тут Никита Романович:

— Ай же ты, Васенька маленькой,
Если бог тебе пособит Кострюка побороть,
Смело с его платье снимай

130 И нагого по двору опускай,
И не будешь ты в опёне великие,
И не будешь ты в опале во царские.

Как тут был Кострюк на ногах,
Очудился Кострюк на буйной головы;
На попутье Вася платье снял
И нагого по двору опустил.

Не побежал Кострюк по крыльцу по красному,
А побежал Кострюк под крыльцо под красное.
Как выходит тут царица-государыня,

140 Марья она да Демрюковна,
Сама-то говорит да таково слово:
— А что у вас за вера в каменной Москве:
Кто кого поборе, с подворотнего платье снять
И нагого по двору опустить!

И говорит тут Никита Романович:

— Ай же ты, царица-государыня,
Марья ты да Демрюковна,
Ну на то у нас и боротся пойдено:
Кто кого поборе, с подворотнего платье снять
И нагого по двору опустить.

150 Как тут стыдно было жить Кострюку в каменной
Москвы,

Уехал Кострюк во свою землю,
Во свою землю и в погану Литву.
Тут век про Кострюка да старину поют,
Синему морю на утишенье,
Вам всем добрым молодцам на послушанье.

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО СЫНОВЬЯ

Когда же воссияло солнце красное
На-тую ли на землю святорусскую,
Тогда же воцарился наш Грозный царь,
Грозный царь Иван Васильевич,
На тую на землю святорусскую.
Тогда же собирал он почестен пир.
Все ли на пиру напивались,
Все ли на пиру похвалялися:

Умной хвастат отцем-матерью,
Безумной хвастат молодой женой,
Глупой хвастат добрым конём.

Говорит Грозный царь Иван Васильевич:

А вывел я измену из Опского,
Да вывел я измену из Казанского,
А вывел я измену с Астраканского,
Да вывел измену с Новгорода,
Да выведу измену с каменной Москвы,
Всю неправду со святой Руси.

Под его под ручкой под правую
Сидит младый Иван тот Иванович,
Под его под ручкой под левою
Сидит младый Федор Иванович.

Воспроговорит Иван тот Иванович:

— Батюшко Грозный царь Иван Васильевич!

А вывел измену из Опского,
Да вывел измену из Казанского,
А вывел измену с Астраканского,
Да вывел измену с Новгорода,
Не вывести измену с каменной Москвы,
А всёй-то неправды со святой Руси.

У тебя изменщик за одним столом,
Ездил по царству Российскому,
По тому государству Московскому,
Улицу казнил он десятую,

В десятой казнил он десятого,
Больше голову петуньюю,
Все ерлуки он подписывал.

В той улицы больше петуны не поют,
В той улицы больше щепотью не молятся.

Не мог вывести измены из Опского,
Не мог вывести измены из Скопского,

Не мог вывести измены из Казанского,
Не мог вывести с Востраканского,
Не мог вывести измены с Новагорода,
Не мог вывести измены с каменной Москвы,
Всей неправды со святой Руси.

Грозно царь распалается,
Скочит царь на резвы ноги,
Говорит ли царь таково слово:

— Ай, палачи немилостливые!
Берите-тко Федора Ивановича
За его ручки за белые,
За его за перстни злачёные,
Накиньте камочку чёрную,
Бросьте в телегу ордынскую,
Везите за мать Москву белокаменну,
На тоё болото на Житноё,
На тую на плаху кровавую,
Отсеките изменщику голову.

Вси палачи разбежались,
Вси палачи рассказали,
Большой-от хоронится за среднего,
Средней-от хоронится за меньшего,
А от меньшего стало да ответу нет.

Грозно царь распалается,
Говорит ли царь таково слово:
— Ай, палачи немилостливые!

Берите Федора Ивановича
За его за ручки за белые,
За тьи за перстни злачёные,
Накиньте камочку чёрную,
Бросьте в телегу ордынскую,
Везите за мать Москву белокаменну,
На тоё болото на Житноё
На тую на плашку кровавую,
Отсеките изменщику голову.

Из-за того стола з-за нижайшего
Выходит маленькой Малютка Скурлатков сын,

Берет он Федора Ивановича
За его за ручки за белые,
За его за перстни злачёные,
Накинул камочку чёрную,
Бросил в телегу ордынскую,
Повёз за мать Москву белокаменну,
На тоё болото на Житноё,

На тую на плаху кровавую,
Отсечь изменщику голову.

Молодая Марья Романовна
Скочила она на резвы ноги,
Чобота обула на босу ногу,
Шубу одевала на одно плечо,
По крылечку спущалась полегошеньку,
По улущку бежала поскорёшеньку,
Прямо к Микиты Романовичу
Во тую палату гряновитую.
Крёст-то кладет по-писаному,
Поклон-то ведёт по-учёному,
Бьёт челом, поклоняется
На вси на четыре на стороны,
Братцу Микиты Романовичу в собину.
Говорит братец Микита Романович:
— Что же за чудо за чудное,
Что же за диво за дивноё,
Не звана пришла гостья, не приказывана?

Говорит Марья Романовна:
— Ай братец Микита Романович!
Потухла свеча наша местная,
Закатилось наше красное солнышко,
Не стало млада Федора Ивановича, —
Увёз маленькой Малютка Скурлатков сын
На тоё болото на Житноё,
На тую на плашку кровавую,
Отсекёт ему буйную голову.

Скочил Микита на резвы ноги,
Чоботы обул на босу ногу,
Армяк надевал на одно плечо,
Шляпу кладывал на одно ухо,
Он бежит на конюшню стоялую,
Берёт добра коня ученого.
Садился на добра коня не седлана,
Еде по мать Москвы белокаменной,
Шляпою маше, голосом кричит:
— Ай же народ, люди добрые!
Дайте места немножечко
Коню пройти, меня провезти,
Скоро ехать за мать Москву белокаменну,
На тоё болото на Житноё,
Ко тьи ко плашке кровавые,
Застать любезного племянника.

130 Увидел маленькой Малютка Скурлатков сын,
Закричал Микита во всю голову:
— Ты не ешь-ко, собака, куса сахарня,
Хоть съешь, собака, подавишься.
Повернул копьё во матушку сыру землю,
Маленькой Малютка Скурлатков сын,
Сам падает на вострой конец.
Тут Скурлатковы славы поют.
Подъезжает Микита Романович
К этой ко плашке кровавые,
140 Берёт нонь любезного племянничка
За его за ручки за белые,
За тьи за перстни злачёные,
Кладыват его под правую пазушку,
Везёт он в палату белокаенну,
Во свой дом да гряновити.
Прошло тому времечки круглой год.
Вспомнил Грозный царь Иван Васильевич
Своего Федора Ивановича,
Сделал указы он грозные
150 По всему по царству Российскому,
По тому ли государству Московскому,
К этии обедни воскресенские,
К этии заутрени христовские,
Шли бы в платьицах опальных.
Молодой Микита Романович
Надевае платье что ни лучшеё,
Кладывае любезного племянничка,
Кладывае под правую пазушку,
Идёт он к обедени христовские,
160 Крест он кладёт по писаному,
Поклон ведёт по учёному,
Бьёт он челом, покланяется
На вси на четыре на стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу в собину:
— Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич
Со своими семенами царскими,
Со своей любезной семеюшкой:
Со молодым Иваном Ивановичем,
Со молодым Федором Ивановичем,
170 Со молодой со Марьей Романовной!
Воспрогворит царь таково слово:
— Кабы был ты не Микита не Романович,
Отсек бы тебе буйну голову.

Здравствует Микита во второй након:
— Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своими семенами царскими,
Со своей любезной семеюшкой:
Со молодым Иваном Ивановичем,
Со молодым Федором Ивановичем,
Со молодой со Марьей Романовной!
Говорит царь таково слово:
— Ай же ты, Микита Романович!
Подай скоро Федора Ивановича,
Не подашь ты Федора Ивановича,
Отсеку тебе буйну голову.
Молодой Микита Романович
Вынимает Федора Ивановича
Из этии правые пазушки.
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
— Ай ты, Микита Романович!
Чим тебя буде жаловать
За твои подарки великие:
Города ли тебе с пригородками,
Деньгами ль золотой казной,
Али платьицом тебе цветным,
Али пожаловать добрым конём?
Отвечает Микита Романович:
— Не надо городов с пригородками,
И золота казна у мня не тощится,
Цветное платье не держится,
Добрые кони не езжены.
Пожалуй Микитину улицу:
Кто голову убьёт, кто жену уведёт,
В Микитину отчину зайдёт,—того бог простит.

7.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ

Да на что на нас господь бог прогневался,
Да сослал нам господь бог прелестника,
И вора Гришку растригу Отрепьева.
И не успел он вор-собака на царство сесть,
И похотел вор-собака жениться,
И не у нас в Москвы на святой Руси,
Да во той во земли в проклятой Литвы.

10 Да у Юрья у пана орды польские,
Да берёт он Маришку дочь Юрьевну.
Его свадьба была не в указной день,
Да на вёшний праздник Миколин день.
Да бояра ты пошли ко заутрены,
Да Гришка с Маришкой во баину пошёл.
Да бояра ты идут от заутрены,
Да и Гришка с Маришкой из баины иде.
Да на Гришке-то шуба чёрного соболя,
На Маришке салоп красного золота.
Говорит-де вдова благочёсливая:
— Уж вы глупые бояра, неразумные!
20 Да убит наш царевич во Углицком,
Его мощи лежа в каменной Москвы,
Да в том ли во соборе Архангельском.
Да и тут-де бояра догадаться,
Да и скоро до Григорья добираться.
Да и эта Маришка дочь Юрьевна
Обвернулась из окошка сорокою.
Да этот Гришá Отрепьев-от
Выпадал из окошка о сёреду,
30 О сёреду кирпичную убился и до смерти.
Дунай, Дунай, боле вперед не знай.

8.

СМЕРТЬ СКОПИНА

Прикажи, сударь-хозяин, Скопина просказать,
Скопина князя Михайла Васильевича!
Снаряжается Скопин в каменну Москву,
В каменну Москву, да и во Шведскую,
Во Шведскую да во Немецкую.
Ему матушка наказывала,
Молода жена наговаривала:
— Не ездь, Скопин, в каменну Москву,
Не водись со князьями, боярами,
10 Со всею поленицею удалою,
Со Малютвой дочерью Курлатовой,
С Курлатовой Щербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шустовой женой.
Скопин своей матушки не слушает;
Он сам выходит на красно крыльцо,

Он сам говорил таково слово:
— Есть ли у меня млада конюги,
Млады конюги, с подконюшниками?
Походите на конюшну белодубовую.
20 По любимого по бахманца,
Седлайте в седло черкайское,
Удайте уздою тесмянную,
Подтягивайте подпругами шелковыми
Белого шелку шамахайского,
Застёгивайте пряжками булатными
Не для-ради басы, ради крепости,
Ради крепости богатырския!
Сходил Скопин со красного крыльца,
Со того крыльца княжеского,
30 Садился Скопин на доброго коня
На любимого на бахманца,
Поехал Скопин с широкого двора,
Он плёткой помахивал,
Золотой уздой побрякивал.
Приехал Скопин в каменну Москву
На ту площадь Красную
К тому собору Успенскому;
Скумился с кумой крестовою
Малютвою дочерью Курлатовой,
С Курлатовой Щербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шустовой женой.
У князя у Владимира
Был весел пир на радости.
Ах, белой день ко вечеру,
Ах, солнышко катится ко западу.
До полусыта бояра наедались,
До полупьяна напивались,
Между собой расхвастались.
Первой-ет боярин хвалится,
Он хвалится, похваляется:
— У меня много золотой казны.
Второй боярин хвалится,
Он хвалится, похваляется:
— У меня много скатного жемчуга.
Еще боярин хвалится,
Он хвалится, похваляется:
— У меня много добрых коней.
Помолчавши, Скопин слово выговорил:
— Еще, пищики, бояра, послушайте:

60 А кто де Москву приочистил всю,
Кто поделал улочки широкие,
Переулочки чистые?
За беду боярам слово показалось,
За досаду куме объявилось,
Сама говорила таково слово:
— Позабыла я кума попотчивати,
Попотчивати, почествовати.
Еще говорила таково слово:
— Где вы, слуги мои верные?
70 Скоро-борзо походите во питейной кабак,
Вынимайте мой золотой кабак,
Не велик, не мал, в полтора ведра вина;
Влейте ведро зелёного вина
Да полуведро зелья лютого,
Поднесите бокал Скопину князю!
В среди чары огонь горел,
По краям чары ключи кипят:
Принимает Скопин единой рукой,
Выпивает Скопин на единой дух:
80 Как тут ясные очи замутились,
Белые ручки опустилися,
Резвые ножки подломилися,
Загорелось ретивое сердце, —
Садился Скопин на доброго коня
Не по-старому, не по-прежнему.
Как издадече-далече, из чистого поля
Завидела его матушка,
Сама говорила таково слово:
— Не кума ли ты, дитятко, употчивала,
90 Не крестовая ли ты, дитятко, учествовала?
Через три часа Скопин представился.
Мыли его тело белое
Тремя водами ключёвыми;
Пеленали его тело белое
Во ту фату мелкотравчату;
Клали его тело белое
Во ту колоду белодубову;
Выносили его тело белое
Ко свету Михаилу Архангелу
100 Во ту церковь соборную;
Хоронили его тело белое
Со всеми попами со дьяконами,
Со всеми протопопы и архимандритами.

СКОПИН

(Освобождение Москвы)

Обошла Москву литва поганая,
Да й садился тут Скопин да на добра коня,
Ещё ехал-то Скопин да и во Новгород,
Он заутрену служил пречистой богородице,
На заутрену он положил пятьсот рублей,
На обедню полагал он целу тысящу,
Собирал ён мужичков да новгородских,
Говорил ён мужичкам да новгородским:
— Ай же, мужички вы новгородские!
Соберите-тко мне силушки сорбк тысящ,
Да й повыгнать из Москвы литва поганая!
Эты мужички да новгородские
Собирали ёму силушки сорбк тысящ;
Ехал-то Скопин да к каменной Москвы
Со своими со войсками со великима.
У литвы Москва да попризанята,
А й все дёмы у литвы да призаставлены,
А й оружьями литовскими магази наполнены,
Ёму некак-то подъехать к каменной Москвы.
А'ще шёл Скопин по славной каменной Москвы,
Приходил-то он ко князю ко московскому,
Ко тому к Микитушке к Романову,
А'ще Грозный царь Иван Васильевич
Во Москвы живёт да ён не весело
Он со этою царицей со московскою,
Да со тою со Настасьёшкой Романовой,
Ён про них делá да не ведаёт.
Говорил Скопин-то князю-то московскому:
— Ай же, князь Микитушка Романович,
Разорит нашу Москву литва поганая!
Тут московской князь Микитушка Романович
А й садился-то Микита на черной стул,
А он повесил свою буйную головушку
Да пониже плеч свих могучиц,
Коны очушки втопил он во кирпичной мост,
Говорил-то тут Микита таковы слова:
— Ай же, молодость моя молдая!
Улетела от меня да й во чисто поле,
Во чисто поле да ясным соколом!

40 Ай ты, старость ты моя да и глубокая!
Налетала ты да из чиста поля,
Из чиста поля да чёрным вороном,
Да й садилася ко мне на плечка на могучие!
А й тут стал Микита на резвы ноги,
А й то пал Микита о кирпичной мост,
Обвернулся тонким белым горносталячком.
И он бежал ко славной каменной Москвы,
Забегал он в магази в оружейные, —
От оружей все замочки прочь повышелкал,
60 Он бежал-то на конюшни лошадиные, —
У добрых коней все глодочки повиторкал;
Бежал он тонким белым горносталячком
Во всю палату белокаменну,
А й тут пал Микита о кирпичной мост,
Обвернулся, стал Микита добрым молодцем.
Выходил-то как Микита на широкой двор.
Отобрал добра коня Микита богатырского,
И он седлал коня да богатырского,
Он повыехал на славну каменну Москву
60 Воевать с литвою со поганюю.
Как пошла литва погана по конюшням лошадиным,
Да у добрых коней все глодочки расторканы;
То пошли оны по тым славным магазинам ору-
жейным,
От оружей все замочки отщёлканы, —
То им нечем воевать да с каменной Москвой.
А й поганая литва она в побег пошла,
А й очистили-то славну каменнй Москву.
Еще тым эти дела прикончились.

10.

ЗЕМСКИЙ СОБОР

Жил-был государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской.
И выходит от ранной заутрени христосьской,
И ставится на лобное место,
И на все стороны государь поклонился,
Испроговорил надежа государь-царь:
— Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю дума думати,
Дума думать, а и не продумать бы.

34

Что наступает король литовский,
Наступает-то на город на Смоленец.
А из больших бояр боярин выступает,
Он близенько к государю подходит,
Он низенько государю поклонился,
Испроговорил великий боярин:
— Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской!
Благослови словцо сговорити,
А не прикажи-тко за слово меня сказнити:
20 А Смоленец есть строенье не московско,
А Смоленец есть строеньице литовско;
Во Смоленце силы нету, казны не бывало:
Отдадим-ко мы город Смоленец
Без бою, без драки великия
И без большого кроволития.
А к тем речам государь не принимался,
Испроговорил государь-царь:
— Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю дума думати,
Дума думать, и не продумать бы.
Наступает на Смоленец король литовский,
Станем ли за Смоленец постояти?
Из середних бояр боярин выступает,
Поблизенько к государю подходит,
Он низенько государю поклонился,
Испроговорит великий боярин:
— Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской!
Благослови мне словцо сговорити,
А не прикажите за словцо сказнити:
А Смоленец есть строенье не московско,
А Смоленец есть строеньице литовско,
Силы во Смоленце нету, казны не бывало:
Отдадим-ко мы город Смоленец
Без бою, без драки великия,
Без большого кроволития.
А к тем речам государь не принимался,
Испроговорит государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской:
— Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю дума думати,
Дума думать, а не продумать бы.
Наступает на Смоленец король литовский,

35

Станем ли за Смоленец постоять?

Из меньших бояр боярин выступает,
Поблизенько к государю подходит,
И низенько государю поклонился,
Испроговорит меньший боярин:

— Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской!
Благослови мне словечко сговорити,
А не прикажи за слово сказнити:
А Смоленец есть строенье не литовско,
А Смоленец есть строенье московско,
Во Смоленце силы сорок тысяч,
Казна есть бессчётна:
Надо нам постоять за Смоленец,
А не надо нам отдавати.

Испроговорит слово государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской:
— Ты знаешь с государем говорити:
Поезжай-ко в Смоленец воеводой,
Постой за город Смоленец.

Этых первых двух бояринов
Приказал царь сказнити.

11.

СТЕПАН РАЗИН

В славном-то во городе во Ва́стракани
Очудился-проявился там детинушка незна́мый
человек,
Да незнамой, незнако́мый чей, неведомый откуль.
Баско-щепетко по городу погуливат,
Чёрной бархатный кафтанчик нараспашечку таскал,
Перстирску опояску но́сил в правые руки,
Зелены сафьянны сапожки но́сил на шелковых
чулках,
Чёрну шляпу со полями носил на жёлтых на
кудрах.

Он ведь штафам, офицерам не кланяется,
Востраканьскому губернатору челом не бьёт,
А челом-то ему не бьёт да под суд нейдёт.
А й увидел губернатор из око́шка молодца,
Воскричал-то губернатор громким голосом своим,
Громким голосом своим на своих верных слуг:

36

— Уж вы, слуги, мои слуги, слуги верные мои.
Слуги верные мои да банбандёры урванцы!
Уж вы подьте приведите удалого молодца,
Удалого молодца да к губернатору на двор.
Приводили молодца да к губернатору на двор,
Становили молодца против паратнеё крыльца,
Выходил-то губернатор на паратнеё крыльцо
И говорил-то губернатор таково слово:
— Ты скажишь-ко, скажись, детинушка, незна́мый
человек,

Да незнамый, незнако́мый, неведомый откуль!
Да ты какой орды, какой земли,
Да какого отца, да чьею матери?
Али со Дону казак, али казачий сын?

Отвечал-то молодец не с упадкою:
— Я не со Дону казак да не казачий сын.
Я из-за матушки Москвы да я со Камы со реки,
Со Камы со реки да Сеньки Разина сын.
Завтра батюшко приедет, дак ты умей-ко гостя
встретити.

Хорошо ты гостя встретишь—кунью шубу подарит,
Уж ты худо гостя встретишь—во тюрьму́ ты
посадит,

А й мало-то тово—так и на виселицу.
Ах по утру во полдён да красно солнышко
пекёт,

Ах по Камы по реки да лёгка лодочка бежит,
И всем-то лодка изукрашена,
Да молодцами ведь эта лодка изусажена.
В этой лодочке гребцов да сидит сброк молодцов
Посреди-то этой лодки Сенька Разин сидит.
Как гренули, прихватили прямо к губернатору на
двор,

Не успел-то губернатор Сеньки встретити,
Ах посадил-то Сенька Разин губернатора
в тюрьму́,

Мало-то того—его на виселицу.

12.

СМЕРТЬ СТЕПАНА РАЗИНА

Вы леса ль мои, лесочки, леса тёмные,
Вы станы ль мои, станочки, станы тёплые!
Уж как вы ль, мои станочки, поразломлены,

37

Все товарищи, все приятели пораздволены,
По злодейкам по тюрьмам порассожены.
Только я-то ли, добрый молодец, не пойман был.
По прозванью меня звали Стенька Разин сын.

Я не год гулял, я не два года.
Я гулял-то ровно тридцать лет.
10 Как пошел-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-реке,
У Дунай-реки перевоз кричал:
— Перевезите-ка меня, добра молодца,
На ту сторону, на белый камешек! —
На белом камешке стал скончаться,
При кончинушке стал наказывать,
Стал наказывать и выговаривать:
„Ах вы, милые сотоварищи!
20 Похороните меня, добра молодца,
Промежду трех дорог, первой Питерской,
Другой Владимирской, третьей Киевской.
Во в правую ручку дайте саблю вострую,
Во в левую ручку калену стрелу,
В головах поставьте чуден-дивен крест,
Во в ногах поставьте ворона коня.
Кто не йдет, кто ни едет мимо молодца,
Мимо молодца, всяк помолится:
„Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
30 Тут лежит-то Стенька Разин сын!“
Приходили тут сотоварищи,
Помолилися на чуден-дивен крест,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стеньке Разину поклонялися:
— Уж ты выстань-ка, сотоварищ наш,
Ты возьми-ка в руки саблю вострую,
Во в леву руку калену стрелу,
Ты ударь-ка буйной палицей
По бедрам нашим ширококим!
Кабы знали мы уж ведали,
Выручили бы с бела камня,
С бела камня, со Дунай-реки,
Со Дунай-реки, со широконой.
Покажи-ка нам златы латы тут,
Златы латы тут серпентинные!
Погрузили во Дунай-реку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-реки сотоварищи

На Амур пошли думу думати;
У Амур-реки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горе распрощалися,
Друг другу поклонялися:
— Уж мы, братцы, разойдёмтесь-ка
Разойдёмтесь-ка по диким местам!

13.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН

А не куличенька по болоту куликает,
Как сам большой князь Голицын по лужкам
гуляет,
Не один-то князь ездит-гуляет, со полками,
Что со тыми со полками, с конными егарями.
Уж как думает наш князь Голицын, думает-гадает,
Уж как думает-гадает, сразмышляет:
— Още где же тут мне, князю, где в Москву
проехать?
Если полюшком ехать, ему очень князю пыльно;
Если лесушком князю ехать, ему очень страшно;
Что болотами князю ехать, ему было грязно;
Что Москвою князю ехать, ему было стыдно:
Что поеду я, князь Голицын, Ямскою-Тверскою,
Что Ямскою-Тверскою, глухим переулком.
Приезжает-то князь Голицын к Успенскому
собору,
Скидывает-то князь Голицын шапочку соболью,
Становился он князь, сам богу молился,
Он молился, на все на четыре на сторонки
поклонился,
Поклонился, самому государю всех ему пониже:
— Уж ты здравствуй, наш государь император!
Още жалуешь нас, государь, малыми чинами,
Още жалуешь нас, государь, мелкими селами,
Пожалуй-ко, государь, Малым-Ярославцем.
— Ты скажи-тко, князь Голицын, чем он
прилюбился?
— Прилюбился мне он: стоит на прикрасы.

ШЕРЕМЕТЕВ И МАЙОР ЗЕМЛИ ШВЕДСКОЙ

Серёдь было красного лета,
 В первых числах в июле,
 Что из славного города Петербурга
 Подымался царёв большой боярин,
 Генерал, и кавалер, и фельдмаршал,
 Граф Борис Петрович Шереметьев,
 Подымался под шведскую Красную Мызу.
 Не дошел до Красной Мызы, становился,
 Он крепкие батареи на шведа наладил,
 10 Он пушки-мортиры разоставил.
 Не две тучи на небе сходились,
 Сходились два войска в чистом поле,
 Русское войско со шведским;
 Что не молния на небе проблеснула,
 Голубец, наша пушка, разряжалась;
 Не громкий гром на небе взгрянул:
 Запалила Шереметьева пехота.
 Ни дённо, ни ночно нет покою,
 Ни много, ни мало не отступят.
 20 Они крепко к шведу приступают,
 Шведскую силу побивают.
 Полонили майора земли Шведской.
 Повели они майора звать-пытати:
 — Ты скажи, скажи, майор, всю сушу правду,
 Что по этому крестному целованью:
 Много ли стоит силы в Красной Мызе?
 Много ли силы-войска с Левенóптом?
 — Ах ты батюшка, царёв большой боярин!
 Ты дай сроку, сударь, на единый час,
 30 Расскажу я тебе, сударь, сушу правду,
 Порúкою крестное целованье:
 Стоит силы в Красной Мызе тридцать тысяч,
 С генералом с Левенóптом сорок тысяч.
 Отвечает царёв большой боярин,
 Генерал, и кавалер, и фельдмаршал,
 Граф Борис Петрович Шереметьев:
 — У меня, генерала, двадцать тысяч,
 А и тут, ведь, я шведа не боюся,
 А под Красную Мызу становлюся!
 40 Генерал Шильпебахт испугался,
 Из-под Красной Мызы убирался.

ПОЛТАВСКОЕ ДЕЛО

В тысяча семьсот первом годе,
 Во месяце было во июле,
 Стояли солдаты на границе.
 А ни вестки, ни грамотки с Руси нету.
 В три годочка перепала скоро вестка:
 Что отцов и матерей в живые нету,
 Молодые жёны замуж вышли,
 Малые деточки ходят-сиротают.
 — Ещё ли нам, ребятушки, не тошно?
 Как под славным городом под Полтавой,
 Тут стоял-постоял король шведский.
 К королю кавалеры приходили,
 На речах кавалеры доносили:
 — Ах ты, батюшка, король земли Шведской!
 Колько под городом ни стояти,
 Нам Полтавы города не взяти:
 Во Полтаве есть московская пехота,
 Сам царь-государь поспешает,
 Он со конницей, со драгунами,
 С регулярной силой, с пехотой.
 Он поход держит в землю Шведску,
 Поход держит под праву руку,—
 Под ту ли под Красну Мызу.
 Не дошел Красной Мызы становился,
 Всех солдат своих испострбил,
 Пушки-мортирушки изоставил.
 — Ах вы гой еси, мои генералы,
 Храбрые мои кавалеры!
 На службе кавалеры не бывали,
 Пушечнаго грома не слыхали?
 — Мы ещё донесём тебе челобитье:
 Что из славного города из Обска,
 Подымается царёв большой боярин.
 Князь Борис Петрович Шереметев,
 Поход держит во Шведскую землю.
 Не дошел Красной Мызы, становился,
 Наперёд казаков рассылает.
 Наперёд казаки разъезжают,
 Наезжают на шведские караулы:
 Шведские караулы с поля сбили,
 Много шведов в поле прирубили,

Увезли в полон большого майора.
Шереметев взял майорушка в допросы:
— Ты скажи-ко, майор, божью правду,
По крестному божьему цалованью:
Где стоит генерал ваш?
Где стоит благодёр ваш?
Где стоит сам король ваш?
Много ли у вас силы у генерала?
50 Много ли у вас силы у благодёра?
Много ли силы с самим королём?
— У генерала у нас силы тридцать тысяч,
У благодёра силы сорок тысяч,
А с самим королём сметы нету.
— Врешь, майор, врешь-плутуешь!
Я этого не боюсь,
В Обск назад не вернуся.

Приказал в барабаны скоро бити,
Скорей того в поход выступати

60 Ко этой реке ко Момже,
Чтоб король не догадался,
За Момжу реку не перебрался.
А король догадался,
За Момжу реку перебрался.
Шереметев за ним погонился:
Состигал короля середь поля,
Под славным городом под Полтавой.
Подымалась Полтавска баталья.
Запалит шведская сила

70 Из большого снаряда — из пушки;
Запалит московская сила
Из мелкого ружья — из мушкета.
Не крупен чеснок рассыпался:
Смешалась шведская сила.
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронёна шведская пашня
80 Солдатскими руками;
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

ВЗЯТИЕ РИГИ

По морю, морю синёму
Плыло-выплывало три ветлёные стружка.
На первом стружочке император-царь сидит,
На втором стружочке князи-бóяра сидят,
На третьём стружочке всё солдатики сидят;
Сидели солдаты полку Семёновского,
Той же первой роты гренадерское.
Их же приносило к Риге к каменной стёны,
К той же к круглой башне трёхугольное.
Якори метали всё булатные;
Шеймы выпускали всё шелковые,
Дорогого шелку шохматинского;
Сходенки метали всё дубовые,
Дорогого дубу, дубу польского;
Сами выходили на крут красен бережок.
Думали-гадали думу крепкую;
Подкопы копали всё глубокие;
Бочки выкатали со лютым зельём,
Со лютым со зельём, с чёрным порохом;
Свечки зажигали воскояровые.
Свечки догорели, бочки рбзорвало,
Скинуло-сбросило Ригу каменну стену
С той же с круглой башни с трёхугольное.
Стали проздравляти императора-царя:
— Здравствуй, император, с Ригой каменной
стенной,
С той же с круглой башней с трёхугольнёю.

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

Ой да пищё-то пищё король шведские,
Да государыни пищё самой:
— Ой да милосердная наша государыни!
Ну да замиримся-ко мы с тобой.
Ой да ты отдай-ко мои города-ты,
Которые прежде ты нам побрала.
Ой отдай Ригу-ту, Ригу отдай, отдай Ревель,
Отдай Нарву-ту крепкий городок.
Аль да распиши ты нам ли палатушки

10 В каменной Москвы постоять,
Ой да нашей конницы, нашим драгунам,
В пирской в славной-то стоять улицы,
Ой да нашим графам, графам офицерам,
Ино да по купеческим стоять по домам.
Ой да самому-то королю шведскому,
Ему в славном городе стоять в Кремле,
Ему в Шелементьевом стоять во дому.
Ой да милосердная наша государынька
Убоялася она того,
20 Ой да ею скорые резвые ноженки
Подломилися стоячись,
Ой да белотельные царские ручки
Опустилися они о бока.
Ой да как по правую царскую рученку
Стоит Румянцев-от енерал,
Ой да как по левую царскую рученку
Стоит Потёмкин-то енерал.
Ой да как возговорит ли-то промолвит
Ну да наш Румянцев-от енерал:
— Ой да милосердная наша государыни!
30 Да не убойся-ко ничего.
Ой да не бывать-то вору ему собаке
Ну да в каменной во славной Москвы.
Ой да не стоять-то вору-собаке
Ну да по купеческим славным домам.
Ой да уж мы встретим короля шведского
Среди моря во губы.
Ой да в славной в ревельской было во губы,
Стоит тридцать-то караблей,
Ой да стоит тридцать у нас три кораблика,
40 Всё стопушечные.
Ой да мы столики ему поставим,
Чёрные ох мы карабли.
Ой да мы скатертки ему постелем,
Тонкие белые паруса.
Ой да уж мы кушанья ему составим,
Чёрные ох мы пушечки,
Ой да уж мы чёрны пушечки поставим,
Чугунные ох мы ядрышка.
Ой да мы силушку прибьем-прирубим,
50 Короля-то мы в полон возьмём.

ЗАХАР ЧЕРНЫШЁВ В ПЛЕНУ

Ты, звезда, звезда восточная!
Высоко, звезда, восходила:
Выше светлого месяца,
По зайвью красна солнышка.
Во земле было во Пруссия,
Во Кистрийне, славном городе,
За Кистрийскими воротами,
Во саду было, во вишенья,
Во зеленом винограднице,
10 Тут стояла светла светлица,—
Заключевна заключёвница,
Со косящатым окошечком,
Со стекольчатой окóленкой,
Со железной со решеточкой:
Что у этой светлой светлицы,
Заключевой заключёвницы,
Были двери все железные,
Ободвёрины укладные,
А пробойны-то булатные,
20 А замок был в полтора пуда,
Полтора пуда с четвертью.
Как во этой светлой светлице,
Заключевой заключёвнице,
Тут сидел да посидельщик.
Он по светлице погуливает,
Золоту трубку раскуривает,
Запевает свою песенку,
Свою песенку любимую,
Свою песенку служивую:
30 — Ты, талан ты мой, талан лихой,
Злая участь, горе горькое!
На роду мне господь писал—
Одному горе измыкати!
Мимо этот сад и вишенья
Случилося идти-ехати
Самому королю прусскому,
Королевскому величеству.
Как завидел посидельщик
Из косящата окошечка,
Во стекольчату околёнку:

40 — Ах ты гой еси, прусской король,
Королевское величество!
Ты умел меня в полон поймать,
Ты умел меня в тюрьму садить,—
Прикажи меня поить-кормить,
Не прикажешь поить-кормить,
Прикажи меня на Русь пустить:
Не прикажешь ли на Русь пустить,
Прикажи меня скорей сказнить!
60 Остоялся сам прусской король,
Королевское величество:
— Ах ты гой еси, российский граф,
Чернышёв Захар Григорьевич!
Уж ты будешь ли по мне служить?
Коли будешь ты по мне служить,
Прикажу тебя поить-кормить,
Прикажу дать двойно жалованье.
Закричал тут российский граф,
Чернышёв Захар Григорьевич:
60 — Ах ты гой еси, прусской король,
Королевское величество!
Кабы был я на своей воле,
Я бы рад был тебе служить—
На твоей бы буйной голове,
На твоей бы шее белыя!
Как спроговорит прусской король,
Королевское величество:
— Посиди-ка ты во той тюрьме,—
Наберёшься ума-разума!
70 Закричал тут посидельщик,
Чернышёв Захар Григорьевич:
— Напишу я свою грамотку
Не пером, не чернилами,
А своими горячими слезьми,
Превеликой государыне:
„Еще не што наша матушка,
Превелика государыня,
На подмогу бы силу прибавила,
80 Артиллерии бы к нам подкатила!“
Еще прусской король
Не доехал до своего дворца,—
Уж и пушечки запукали
Во славной Кистрин-город.
Обездолился прусской король,

Королевское величество,
Выпускал же он посидельщика,
Отвозил к царю белому,
Превеликой государыне;
Он просил замиренънца:
90 — Превелика государыня!
Помиримся со мной, прусским королём.
Говорит тут посидельщик,
Чернышёв Захар Григорьевич:
— Превелика государыня!
Не мирися с прусским королём:
Мы возьмем его Кистрин-город,
Разобьем Кистрински крепости!

19.

ПРУССКИЙ КОРОЛЬ

(Взятие Берлина)

Ой растужится, расплачется наш прусской, наш
прусской король,
А и сидючись-то на украсушке ой на крутой
горы,
А он глядел-смотрел на свою укрепушку, на
Берлин-город,
И на свою укрепушку на Берлин да на Берлин-
город:
— Ты ли-то, укрепа моя, ты укрепушка,
Ты мой Берлин, мой Берлин-город,
А ты кому-то, моя укрепушка, доставалася,
Доставалася да доставалася моя укрепушка
Ой царю белому, ой царю белому,
А как другому же генералушку Краснощёкову.
Ай как ходил-гулял Краснощёков кўпцем по
городу,
Ах он закупает-то Краснощёков ай свинцу-
пороху,
И закупает еще он Краснощёков сорок пушечек.
Ах он прусскую жену-ту красавицу ай во полон
берёт,
И во полон-то берёт прусскую жену и сам он
допросом допрашивает:
— Ай ты скажи-тко, скажи, прусска жена, ай
куды Прус ушел?

— Ах вы, глупы генералушки, глупы, неразумные
Ай за столом-то сидел прусской король белой
лебедью,
Ай на окошечке сидел прусской король ай сизым
голубом,
И на корабль полетел прусской король вот он
чёрным вороном.

20.

НАШЕСТВИЕ ФРАНЦУЗОВ В 1812 ГОДУ

Заводилася война среди белого дня.
Наши начали палить, только дым столбом валит.
Каково есть красно солнышко, не видно во дыму;
Столько видно во дыму, да не ясён сокол летал;
Не ясён сокол летал,—да доброй молодец летал.
Он гулял, таки гулял да сам на вороном кони,
На вороном кони да сам ко крутой ко гори,
К казакам прискакал, два словечка сказал,
Два словечка сказал:— Да вы казаки да поляки
военны мои,

Вы военные мои да разудалые молодцы!
Вы без мерушки пейте зелёного вина
Да без расчёту получайте государёвой казны,
Посмелея поступайте со французом воевать.

Что ль не пыль-та пыль пылит, только
дубровушка шумит,
Только дубровушка шумит,— француз с армией
валит;

Да он валит, таки валит, сам подваливаёт,
Сам подваливаёт, речь выговаривает:
— Уж я всю эту Русеюшку наскрозь пройду,
Всю насквозь пройду, в камянну Москву зайду,
В камянну Москву зайду, полковничков разорю,
Всех молодых генералов в ногах стопчу.

Генерали испужались, платком слёзы подтирали,
Платком слёзы подтирали, в поворот слово

сказали,
В поворот слово сказали:— Не бывать тебе, зло-
дею, в нашей каменной Москвы,
Не видать тебе, злодею, белокаменных церквей,
Да не стрелять тебе, злодею, золотых наших
крестов.

48

На лужку было на лужку стоит армия в кружку,
Стоит армия в кружку, да Лопухов сидел в полку,
Лопухов сидел в полку, курил трубку табаку,
Курил трубку табаку: — Да для чого нам не
курить, зелёна не пить:
Свищу-пороху довольно, сила во поле стоит.

Да они билися-рубилися четырнадцать часов;
С пятнадцатый ступили, стали силу разбирать;
Нашли таких убитых: полковничков до семи да
енералов до осми,

А мелкой пещорской силы сосчитать ей не могли;
Да которы во горы, по колен стоят в руды,
Да которы под горой, все засыпаны землёй.
Да один таки лёжит, таку речь говорит:
— Вы подайте-тко, ребятушка, чернильницу
с пером,

Вы чернильницу с пером, лист-бумажку со ярбом;
Напишу я своёй любушке нижающий поклон.

21.

ПЛАТОВ И КУТУЗОВ

Как заплакала Россиюшка от француза.
— Ты не плачь, не плачь, Россиюшка: бог тебе
поможет.

Собирался сударь Платов да со полками,
С военными полками да с казаками.
Из казаков выбирали да есаулы;
Есаулы были крепкие караулы,
На часах долго стояли да приустали:
Белые ручушки, резвы ножечки задрожали.
Тут спрговорил-спромолвил да князь Кутузов:
— Ай вы вставайте ж, мои деточки, утром
пораняе,

Вы умывайтесь, мои деточки, побелее,
Вы идите, мои деточки, в чистоё полё,
Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
Вы своёго свищу-пороху не жалеите,
Вы своёго же французика побеждайте.

Не осточная звезда в поле воссияла,—
У Кутузова в руках сабля воссияла.

ПЛАТОВ В ГОСТИХ У ФРАНЦУЗА

Польская земля
 Много силы побрала;
 А Френцюзская земля
 Таку славу пронесла
 Про Платова казакá:
 Чрез закон Платов ступил —
 Свою бороду обрил,
 Волоса свои остриг,
 К Фрэнцюз в гости заездял.
 10 Его Фрэнцюз не узнал,
 На крылечко выбегал,
 За белые руки брал,
 За дубов стол посадил,
 Рюмку водки наливал,
 Купчинушкой называл:
 — Уж ты здравствуешь, купец,
 Ты московской молодец!
 Вишь, я сам в Москве бывал,
 Многих там людей знавал,
 20 Уж-то всеких-то людей,
 Генералов и судей;
 Одного вора не узнал,
 Что Платова казакá:
 Кто бы мне-ка указал,
 Тому много б казны дал!
 А спроговорит Платов:
 — Те на что казна терять?
 Можно так ёго узнать:
 30 — Что ведь Платов-от такой, —
 Мне как брателко родной,
 Только матери другой.
 А Френцюза дочь Ирина
 Из шомышки выходила,
 С купцём речи говорила:
 — Ужь ты здравствуешь, купец,
 Ты московской молодец!
 Покажи-ко свой портрет?
 Он портретик вынимал,
 На крылечко выбегал,
 40 Громким голосом скрычал:

— Аж вы слўжки, вы слуги,
 Аж донские казакí!
 Приведитё-ко коня
 Под Платова казакá!

А Платов казак садился,
 Что ясен сокол взлетел:
 — Ворона ты, ворона,
 Френцюзская ворона!
 У тебя-то, у вороны,
 50 Во вострых когтях я был:
 — Не умела ты, ворона,
 Ясна сокола ловить!
 А что Платов-от казак
 В чисто поле выездял,
 Востру саблю забирал;
 А френцюзской-ёт король
 У себя волосьё рвал,
 На сырú землю метал,
 Много силы накликал,
 60 В чисто поле отряжал.
 А как Платов-от казак
 Тотчас пушки заряжал,
 Да Френцюза прогонял.

КУТУЗОВ

Что не красное солнце да воссияло:
 Воссияла у Кутузова острая сабля.
 Выезжает князь Кутузов в чисто поле,
 Он берет с собою силу — да гранадеров,
 Гранадеров он и есаулов.
 Гранадеры и есаулы не сробели,
 Что французского майора в полон взяли,
 Повели они майора ко фельдмаршалу,
 Ко тому же князю да ко Кутузову,
 Ко Михайлу его да к Ларивоновичу.
 Начинает князь Кутузов его спрашивать:
 — Ты скажи-скажи, майорик, сущую правду, —
 Ещё много ли у вас да во Париже,
 У вас много ль во Париже стоит силы?
 — Стоит силы во Париже сорок тысяч,
 По приступу генеральскому сметы нету.

На то князь Кутузов да рассердился,
Ужь как бьёт-то он майора да по роже,
Он по роже да по правую во щёку:
— Ужь ты врѣшь, ты врѣшь, майорик, врѣшь-
плутуешь.

Меня, князя Кутузова, всё проводишь,
Всё проводишь меня ты да стращаешь:
Я вашей силы-то не боюся,
За генеральские приступы я примуся.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты исторических песен даются в основном в литературной орфографии с сохранением лишь некоторых наиболее характерных диалектных особенностей. В статье и примечаниях приняты следующие сокращения:

Гильфердинг — Онежские былины, зап. А. Ф. Гильфердингом. Изд. 2, т. I—III, 1894—1900; изд. 3, т. II—III, 1938—1940.

Григорьев — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904, т. III. М. 1910.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10. М. 1860—1874.

Кирша Данилов — Сборник Кирши Данилова, изд. Публичной Библиотеки под ред. П. Н. Шеффера. 1901.

Миллер — Вс. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. ОРЯС Ак. Н. т. X. 1915.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2, т. I—III. М. 1909—1910.

1. Авдотья женка Рязаночка. Рыбников, II, № 182. Запись в 1860-х годах от И. П. Сивцева-Поромского на Кенозере.

Песня является характерным образцом промежуточного эпического жанра — между былинами и историческими песнями. В основу ее легло, очевидно, местное историческое предание, но конкретный эпизод, который мог быть поводом к сложению песни, неизвестен. Судя по наименованию турецкого царя (последнейшая замена татарского хана) Бахметом, в песне отразились впечатления от жестокого разорения, которому подверглась Рязанская земля при хане Ахмете в 1472 г. Но разорения от татар Рязань терпела и раньше — в 1237 г. при Батые и в 1382 г. при Тохтамыше. Таким образом, в песне могли слиться и разновременные исторические переживания. Имя Бахмет (Ахмет) повлекло замену татарского хана турецким султаном, поскольку история знает турецких султанов с этим именем, игравших роль в судьбах России, напр. Петр Великий в 1711 г. вел войну с турецким султаном Ахмедом (так называемый Прутский поход). Наименование города Казань тоже вошло в песню позднее, заменив первоначальное Рязань.

Песня замечательна героическим образом русской женщины. Она известна всего в нескольких записях, лучшие из которых принадлежат б. Олонецкому краю. Кроме публикуемого текста, см. еще Гильфердинг, № 260, Григорьев I, №№ 94 и 130.

2. Щелкан Дудентьевич. Гильфердинг, № 283. Запись 1871 г. на Кенозере от М. Г. Меньшиковой.

Песня сложилась по поводу определенного исторического факта — восстания тверитян 15 августа 1327 г. против татарского наместника, двоюродного брата хана Узбека, Шевкала, сына Дюдены. По сообщению Тверской летописи, Шевкал „воздвиге гонение велико на христиане насильством, и граблением, и биением, и поруганием“. Это вызвало восстание, во время которого был убит сам Шевкал и другие татары.

Олонецкая редакция песни (см. еще Гильфердинг, №№ 235 и 269) характеризуется тем, что об этой смерти говорится в форме предсказания и пожелания сестры Щелкана. В другой, сибирской редакции (Кириша Данилов, № 4) изображена сама смерть Щелкана, которого разрывают на части тверские князья „Борисовичи“.

В том же сибирском варианте перечислены и надругательства Щелкана над Тверью:

И вдовы-та бесчестити,
Красны девицы позорити,
Нядо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.]

В остальном обе редакции сходны. В обе включены начальное изображение насилий Щелкана при взятии дани и эпизод закалывания родного сына, рисующий зверский облик татарского наместника. Ненависть народа к татарским захватчикам ярко выражена также в характеристике Щелкана, вложенной в уста его родной сестры.

В текст внесена небольшая редакционная поправка (наименование земли, где Щелкан собирает дань), возвращающая старую редакцию.

3. Взятие Казани. Гильфердинг, № 160. Запись 1871 г. от И. А. Касьянова из Космозера, Заонежского района.

Взятие Казани в 1552 г. было крупнейшим событием внешней политики Ивана Грозного, решительным шагом к очищению от татар Поволжского пути. Огромное значение события в некоторых песнях подчеркивается путем связывания его с фактом принятия Грозным царского титула: именно после взятия Казани, как говорит песня, Иван Грозный „воцарился и насел на Московское царство“, см. Кириша Данилов, № 28.

Основные эпизоды песни передают подлинные исторические факты: взрыв городской стены, который и решил участь города после длительной его осады; насмешки татар над русскими; в более пространной редакции — отказ казанского царя Едигера (в песне Симеона — действительное имя татарского царя после его крещения) изъявить покорность Грозному. В центральном эпизоде — в заподозривании Грозным измены вследствие задержки взрыва — видят отголосок измены воеводы Юрия Булгакова, ведавшего подкопным делом.

Этот центральный эпизод в публикуемом варианте сокращен — выпущены: 1) указание на сгорающие контрольные свечи, после чего сразу же последовало взрыва, что и вызвало вспышку гнева Грозного; 2) ответ смелого пуш-каря,

— Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тише.

Эпизод этот интересен нар одной трактовкой образа Ивана Грозного: он вспыльчив, но отходчив и справедлив. После слов пуш-каря

Позадумался князь московский,
Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.

Патриотический пафос песни ярко выражен в заключительных ее словах. Песня о взятии Казани была очень популярна, известна в многочисленных вариантах из разных районов (см. Миллер, №№ 1—21). Она стала образцом для позднейших песен о взятии городов (Азова, Шлиссельбурга, Риги); в этих песнях использованы картина подкопа и взрыва стен (см., напр., № 16). В Карелии песня о взятии Казани сохранилась до нашего времени (см. „Былины Пудожского края“, подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Пэриловой и А. Д. Софронова, предисловие и редакция А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1911, № 14).

4. Осада Пскова. „Живая Старина“, 1906, в. III, стр. 129—130. Запись К. Н. Маклюнова в д. Сойда б. Вытегорского уезда от крестьянина Д. Тимофеева.

Песня сложена по поводу осады Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581—1582 гг. 20-недельная героическая оборона Пскова против Батория, окончившаяся снятием осады и прекращением военных действий, — одно из крупнейших событий в длительной борьбе русского народа XVI—XVII вв. с западными захватчиками за исконно-русские пограничные города. Благодаря стойкости и героизму защитников Россия была спасена от грозившей ей опасности; было разбито также убеждение в непобедимости польских войск. Песня прекрасно передает всю трудность и напряженность борьбы и героизм защитников русских рубежей.

Михаил Скопин-Шуйский — популярный русский полководец конца XVI и начала XVII вв., действительно прославившийся удачными военными действиями против польских интервентов, но в несколько более позднюю эпоху (во время „смуты“, см. об этом примечание к песне „Скопин“). В данном историческом событии участия не принимал. Борис Петрович Шереметев — талантливый полководец, сподвижник Петра Великого, одержал ряд блестящих побед над шведами во время Северной войны. Никита Романович Захарьин-Юрьев, брат первой жены Грозного царицы Анастасии Романовны, оставил после себя добрую память в народе, как патриот и защитник интересов народа. В силу своей популярности эти исторические деятели становятся героями целого ряда народных песен, независимо от того, что они иногда и не имели прямого касательства к изображаемым событиям. В песнях они всегда воплощают народные-патриотические тенденции.

Вольхонский (Волхонский) — князь или боярин — популярное в народной поэзии имя, связанное с сюжетом о Ване-Ключнике. В данную песню это имя попало случайно.

„Мать пресвята богородица“ — церковь во Пскове. Поражение короля Стефана и его войска трактуется в песне как справедливая кара за оскорбление национальной святости.

5. Кострюк. Истомин и Дютш, Песни русского народа. Собрания в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб. 1894. № 5, стр. 42, запись в 1886 г. в Космозере, Заонежский район, от И. А. Касьянова.

„Кострюк“ относится к тем эпическим песням, которые стоят как бы в промежутке между былинами и историческими песнями. С одной стороны, он связан с определенным историческим фактом — женитьбой Ивана Грозного на кабардинской княжне Марии Темрюковне (1561 г.), родным братом которой был Маметрюк — исторический прототип центрального персонажа песни. С другой стороны, по основной своей идее и сюжету песня близка к былинам, повествующим о посрамлении русскими богатырями зазнавшегося врага-чужеземца. Был ли в действительности аналогичный случай, который и послужил непосредственным поводом к сложению данного песенного сюжета, или песня, подобно былинам, широко обобщила исторические впечатления и переживания, — неизвестно.

Песня о Кострюке была широко распространена. Записи ее, в общем количестве более 60, сделаны в разных районах Севера, в Зап. Сибири, Поволжье, средней России (см. Миллер, №№ 27—91). Около 10 новых вариантов собрано в советское время. Кроме редакции, образец которой мы публикуем, и которая характеризуется тем, что центральному эпизоду состязания предпосылается рассказ о женитьбе царя, в Прионежье встречается и другая: ее начальная часть — рассказ о наезде на Русь крымской царицы-поляницы с традиционными угрозами и вызовами (см., напр., Гильфердинг, № 193). Очевидно, это уже позднейшая переработка песни о женитьбе на иноземке по типу былины о нашествии царей-нахвадчиков под воздействием впечатлений от набега крымцев на Москву в 1571 и 1572 гг.

Песня отличается своеобразной балагурной окраской. Иногда для усиления эпизода посрамления вносится мотив раскрытия в побежденном Кострюке переодетой женщины. Способ исполнения тоже своеобразен — быстрый речитатив или скороговорка.

6. Иван Грозный и его сыновья. Гильфердинг № 209. Запись 1871 г. на Волдозере от Т. И. Суханова.

Относится к группе старших исторических песен, воспринявших былинную ритмическую структуру и эпические приемы композиции и стиля. Сюжет известен во многих вариантах (см. Миллер №№ 98—140).

Основной повод к сложению песни — убийство Грозным старшего сына Ивана (1581 г.). Песня расходится с историческим фактом: в ней Грозный лишь покушается на убийство сына, и не Ивана, а младшего — Федора. Но самые характеры обоих сыновей в песне находятся в соответствии с историческими данными.

Песня интересна выражением народного отношения к Грозному: он мнителен и вспыльчив, и это толкает его на жестокие

поступки. Но он „отходчив“ и сам жалеет о совершенном зле (ср. с песней „Взятие Казани“). Этот народно-поэтический образ царя Ивана IV обусловлен сочувствием народа и к его внешней политике, укреплявшей русское государство, и к его борьбе с „изменой“ — с сепаратистскими тенденциями родовитого боярства. Само покушение на убийство в ряде вариантов мотивировано обвинением царевича в измене, выразившейся в неповиновении приказу Грозного сурово расправляться с врагами.

В олонечких вариантах выделяется образ Никиты Романовича, в котором отложились народные представления той эпохи об идеальном слуге царя, бесстрашном, прямом, защитнике народа. Своим социальным содержанием интересен мотив „Микитиной вотчины“ — убежища для преследуемых и угнетенных.

7. Гришка Отрепьев. Гильфердинг, № 236. Запись 1871 г. на Кенозере от И. Д. Калитиной.

С именем первого Лжедмитрия в народном предании крепко связалась память о польской интервенции начала XVII в. В олонечких легендах о панах (Ончуков „Северные сказки“, СПб., 1908, № 232) рассказывается, как при воцарении Отрепьева стали в Москву ввозить в бочках поляков под видом приданого невесты Лжедмитрия Марины Мнишек, и как народ, узнав об этом, перебил поляков. Во всех легендах об этом времени польские паны рисуются разбойниками-грабителями. Ненависть народа к интервентам отражена в песне в образах Гришки и его „душечки“ Маришки, грубо попирающих национальные русские обычаи.

Песня известна преимущественно в вариантах из Онежского края (см. Миллер, №№ 210—218, известны и современные варианты), где распространены были и предания о панах-захватчиках, — в силу того, что после изгнания поляков из Москвы остатки их образовали на Севере грабительские ватаги, с которыми населению пришлось еще долго бороться. Марина Мнишек, по народному преданию, была колдуньей, и эти представления тоже отражены в песне.

8. Смерть Скопина. Живая! Старина, 1890 г., вып. I, отд. II, стр. 3. Запись песни найдена в старой рукописи в Вологодской обл.

Песня о смерти Скопина сложилась в атмосфере сложных политических и социальных отношений начала XVII в. Племянник царя Василия Шуйского Скопин стяжал любовь народа успешными действиями против польских интервентов. Предводительствуя наемными шведскими отрядами, он очищал северные пути к Москве. 23 апреля 1610 г. на крестинах у Ивана Михайловича Воротынского Скопин внезапно занемог и умер спустя две недели. Вслед за этим начались военные неудачи: преемником Скопина Дмитрием Ивановичем Шуйским, братом царя, был проигран ряд сражений; шведские отряды, не получившие жалованья, перешли на сторону противника. Все это породило слухи о насильственной смерти Скопина, об отравлении его сторонниками Шуйского (непосредственно женой его брата Дмитрия — дочерью Малюты Скуратова), который боялся его возрастающей популярности. Слухи эти опирались на враждебное отношение родовитого боярства к Михаилу Скопину-Шуйскому, как к представителю служилых людей.

Сюжет о смерти Скопина оформлен в стиле былины: мотив

матери, дающей советы сыну, похвальба на пиру у князя Владимира и т. п. В других северных вариантах (см., например, Ончуков „Печорские былины“, № 5 и др.) воздействие былинного эпоса еще более значительно. Песня сложилась, очевидно, вскоре после самого события, о чем свидетельствует явное влияние ее на стиль повести об отравлении Скопина, относящейся к XVII в. Смерть Скопина вызвала и другие поэтические отклики в народном творчестве. Еще в 1619 г. в Москве для англичанина Ричарда Джемса была записана краткая, полная лиризма песня, в которой хорошо переданы противоположные настроения боярства и московского посадского населения. Приводим эту песню, представляющую исключительный интерес в силу временной близости к событию, ее породившему.

Плач о Михаиле Скопине

Ино что у нас в Москве учинилося;
С полуночи у нас в колокол звонили?
А расплачутся гости москвичи:
— А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила!
А съезжались князи-бояря супротиво к ним,
Мстиславской князь, Воротынской,
И между собою они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулася:
— Высоко сокол поднялся,
И о сыру матэру землю ушибся.
А расплачутся свецкие немцы:
— Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила.
Побежали немцы в Нов-город,
И в Нове-городе заперлися,
И многой мир-народ погубили,
И в датынскую землю превратили.

9. Скопин. Гильфердинг, № 88. Запись от Т. Г. Рябина в 1871 г. в Кижях.

Песня представляет отклик на величайшее событие начала XVII в. — освобождение Москвы от польской интервенции в эпоху „смуты“. Событие это связывается в песне с именем Михаила Скопина-Шуйского, талантливого молодого полководца конца XVI и начала XVII вв., хотя окончательное очищение Москвы совершено уже после его смерти. Но Скопин действительно сыграл большую и важную роль в борьбе русского народа против польских интервентов, захвативших ряд русских городов. В эпоху великой разрухи, когда старые полководцы растерялись и терпели поражение за поражением, Скопин сплотил вокруг себя все действенные силы русских войск и одержал решительную победу. Второе историческое лицо, с которым песня связывает факт освобождения Москвы от поляков, — князь Никита Романович Захарьин-Юрьев, брат первой жены Грозного, царицы Анастасии Романовны. Никита Романович оставил после себя добрую память в народном предании и является героем нескольких исторических песен. Таким образом, в песне произошло смешение событий, времени, имен исторических деятелей.

Но данная песня интересна не столько отражением конкретных исторических фактов, сколько выражением народных представлений о полководце и его взаимоотношениях с народной массой. На поэтике песни в сильной мере сказались приемы былинного творчества (эпизод с превращением и порчей оружия и др.).

Наименование „литва“ здесь не имеет своего буквального значения; поскольку Литва входила тогда в состав польского государства, наименование это применялось для обозначения и поляков. В былинах оно часто обозначает всякого врага, идущего с Запада, а иногда и врага вообще, как и наименование „татары“.

10. Земский собор. Рыбников, № 158. Запись от Г. Амосова в 1860-х годах в Пудожье.

В основе песни лежит факт возвращения русскими в 1654 г. Смоленска, временно отторгнутого Польшей, и последовавшего затем окончательного закрепления его за Москвой. Событие это было одним из самых ярких эпизодов внешней политики Московского государства на западе в борьбе за западные исконно-русские владения. Поэтому оно и оставило сильный след в народном творчестве. Земского собора, на котором якобы обсуждалась судьба Смоленска, история не знает. Но изобразив данное событие именно так, песня запечатлела характерную черту эпохи — то значение, которое получили в XVII в. съезды-соборы.

Данная композиция позволила, кроме того, особо подчеркнуть патриотизм демократических слоев русского общества XVII в. в противовес настроениям высшего боярства: именно представитель „меньших“ бояр выступает на защиту Смоленска, выражая готовность русского народа „постоять за город Смоленск“, как исконное „строенье московско“. В этом отношении интересен другой вариант данной песни (Рыбников, № 32), по которому патристическое решение отстаивать Смоленск принадлежит „младшим детушкам солдатам“ (очевидно, более поздняя замена под влиянием песен Петровского цикла, см. „Думу об Азове“ и „Взятие Шлиссельбурга“, Киреевский VIII, стр. 60 и 140).

11. Степан Разин. Гильфердинг, № 276. Запись в 1871 г. от П. Я. Меньшикова на Кенозере.

Песня о „сыне“ Разина — одна из самых распространенных в Разинском цикле (см. А. Н. Лозанова, „Народные песни о Степане Разине“, 1928). „Сын“ или „сынко“, как именует себя герой песни, — вероятно, один из агентов Разина, посланный в Астрахань на разведку и схваченный властями. Известен конкретный факт такой поимки и казни, который и мог послужить поводом к сложению песни (см. об этом у А. Н. Лозановой „Песни и сказания о Разине и Пугачеве“, М., 1935).

Текст песни довольно устойчив. Обычно она заканчивается угрозами „сынка“, предсказывающего приезд самого Разина и расправу его с властями. Публикуемый вариант изображает осуществление этой угрозы, что сообщает ему особенно большое социальное звучание.

12. Смерть Степана Разина, Рыбников, II, № 221. Запись в Петрозаводске от захожих крестьян-пермяков.

Публикуемая песня представляет приуроченный к имени Разина песенный сюжет о молодце, переправляющемся через реку и

умирающем на другой стороне с предсмертной просьбой похоронить его между трех дорог. Сюжет этот довольно распространен, он был втянут в разинский цикл в порядке отклика на гибель Разина и судьбу его движения в силу популярности имени народного героя. Представляет характерный в фольклоре случай использования в историческом песенном творчестве традиционного безымянного сюжета. Варианты указаны у Лозановой — «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», стр. 364.

В социальном плане интересно подчеркивание, характерное и для других разинских песен: «Не вор, не разбойничек, Стенька Разин сын».

13. Князь Голицын. Рыбников, № 58. Запись в 1860 г. в Кижях, Заонежского района, от Л. Богданова.

Песня изображает возвращение князя Василия Голицына с неудачного и позорного для него похода на Крым в 1687. Несмотря на полный провал, Голицын, пользовавшийся расположением правительницы царевны Софьи Алексеевны, получил торжественную встречу в Москве и награду.

Василий Голицын принадлежал к политической оппозиции Петру Первому. После второго Крымского похода в 1689 г., столь же безрезультатного и совпавшего с падением правления Софьи, Голицын был обвинен в измене и сослан на север.

Народ выразил свое отношение к незадачливому полководцу. В песне иронически изображено состояние Голицына при возвращении и выпрашивание им самим незаслуженной награды. Есть варианты, которые заканчивают песню отказом царя в этой просьбе и даже обещанием «пожаловать двумя столбами с перекладной» (преломление факта ссылки Голицына царем Петром I после падения Софьи). В одном варианте народ прямо называет Голицына «первым изменником» (Киреевский, VIII, стр. 42). Публикация вариантов у Киреевского, VIII, стр. 39—50.

14. Шереметев и майор земли Шведской. Киреевский, VIII, стр. 135. Вариант из Шенкурского района, Архангельской области.

Песня представляет отклик на сражение со шведами у Красной Мызы в 1702 г., предшествовавшее взятию Шлиссельбурга. Шереметев, Борис Петрович, знаменитый полководец Петровского времени, известный блестящими победами над шведами во время Северной войны, командовал русскими войсками в битвах под Красной Мызой и под Шлиссельбургом. Левенгопт—Левенгаупт, шведский генерал, отличившийся в начале Северной войны; осенью 1708 г. на путях из Риги в Украину, куда шел на соединение с армией Карла XII, был разбит Петром Великим у дер. Лесной, а в 1709 г., после сражения под Полтавой, сдался в плен. Шильдебакт—Шлиппенбах, шведский генерал, сподвижник Карла XII. В начале Северной войны был трижды разбит Шереметевым в Прибалтике. Под Полтавой был взят в плен Меньшиковым.

В победоносной войне со шведами ярко проявились военная мощь и доблесть петровской армии, одерживавшей верх часто над численно превосходящим противником. Это нашло четкое выражение в песне.

С именем Шереметева впервые в историческом эпосе был связан сюжет о допросе пленного майора, тщетно пытающегося

устрашить русского полководца. Какой именно конкретный эпизод послужил поводом к сложению сюжета, неизвестно. Впоследствии он стал приурочиваться к именам и другим популярным в народе военачальников (см., напр., песню № 23).

15. Полтавское дело. Киреевский, VIII, стр. 170. Записано в Шенкурске.

В песне отражено центральное событие Северной войны—известный разгром Петром Великим армии шведского короля Карла XII под Полтавой 27 июня 1709 г. В битве под Полтавой, в которой сам Петр принимал непосредственное участие, Б. П. Шереметев командовал центром. Имя популярного полководца привело к контаминации с сюжетом о Полтавской битве другой песни, героем которой был тот же Шереметев—о взятии Красной Мызы (см. № 14).

Зачин песни характерен для старых солдатских песен, отразивших тяжесть непрерывных и длительных войн в XVIII в. Мотив этот еще более оттеняет героизм русских воинов, проявлявших и в труднейших условиях старого военного быта чудеса храбрости и самоотверженности в борьбе за родину.

Сопоставление поля битвы с нашей—традиционный поэтический прием (см., напр., «Слово о полку Игореве» и народные русские и украинские песни).

16. Взятие Риги. Григорьев, I, № 173 (209). Запись от Г. Трубкина на Пинеге в д. Кеврола, Карпогорского р., Архангельской обл., в 1900 г.

В песне отражен факт овладения в 1710 г. русскими войсками под начальством полководца Шереметева городом Ригой. Значение этого события было огромно, так как им завершилось выполнение исторической задачи, стоявшей перед русским государством в течение ряда веков,—получения доступа к Балтийскому морю.

В эпической картине взятия города при помощи подкопа использованы мотивы более ранних исторических песен—о взятии Казани. Для народного отношения к Петру Великому характерно изображение его непосредственного участия в событии.

Бликий вариант у Киреевского, VIII, стр. 213, из Саратова.

17. Шведская война. Гильфердинг, № 237. Запись от И. Д. Калитиной в 1871 г. на Кенозере.

Песня сложилась по поводу войны со шведами при императрице Елизавете Петровне в 1741—1743 гг. Первая часть песни в поэтическом образе «угроз» очень точно передает предъявленные шведам требования—о возвращении всех городов и земель, потерянных в войнах с Петром I. Война окончилась полным поражением шведов, которые не только не осуществили ни одного из своих притязаний, но понесли еще и новые территориальные потери (часть Финляндии).

Вторая часть песни посвящена образу храброго полководца, патриота, находящего достойный ответ на наглые угрозы врага. Имя полководца в разных вариантах различно. Чаще всего это—Краснощек (см. о нем в примечании к песне «Прусский король»), Румянцев и Суворов (явно—позднейшая вставка, так как Суворов в эпоху данной войны был еще подростком), т. е. вообще наиболее популярные полководцы XVIII в., см. варианты у Киреевского,

IX, стр. 80—89. В одном из них выступает „все чин голой енарал“ (стр. 80, запись из Шенкурска). Редактор собрания Киреевского Бессонов справедливо предполагает в этом наименовании порчу имени Головина, быть может под воздействием формулы „весь чин на-голо“ (т. е. весь генералитет). Адмирал Головин был одним из главных участников войны против шведов, командовавший Балтийским флотом. Очень возможно, что имя Головина и было первоначальным в песне. Предположение это поддерживается и формулировкой „отменного угощения“ в шенкурском варианте, указывающей именно на военно-морские действия. Публикуемый олонский вариант, заменив имя полководца-патриота, сохранил старейшую редакцию самого ответа.

18. Захар Чернышев в плену. Киреевский, IX, стр. 125 запись Н. Борисова в 1845 г. в г. Шенкурске б. Архангельской губ.

Поводом к сложению песни послужили следующие исторические факты: русский генерал З. Г. Чернышев в битве с войсками Фридриха II при Цорндорфе (во время Семилетней войны, 14/25 августа 1758 г.—о войне см. примечание к песне „Прусский король“) был захвачен в плен и по приказу прусского короля заключен в Кюстринскую крепость. После обмена пленными Чернышев снова возвращается в действующую армию и участвует во взятии Берлина (1760 г.).

Песня представляет переработку известной песни об Азовском пленнике—донском казаке (см. Киреевский, VIII, стр. 78—89). Замысел песни—дать образ благородного русского патриота, отвечающего смелыми угрозами на предложение изменить родине и твердо уверенного в конечной победе русского оружия. Есть варианты, в которых Захар Чернышев угрожает обратиться за помощью к донским казакам (мотив казачьих обработок песни). И действительно, казаки спешат на помощь:

Не успел он речь окончить,
Как нагрянули донские казаки;
Загремела артиллерия,
Засверкали сабли вострые,
И разбили весь Кистрин-город.

(Киреевский, IX, стр. 131).

Песня была широко распространена, но подверглась значительным изменениям в связи с переосмыслением центрального образа, ср. варианты у Киреевского, IX, стр. 128—145.

19. Прусский король (Взятие Берлина). Гильфердинг, № 205. Запись 1871 г. от И. Г. Захарова на Зодлозере.

Песня сложилась по поводу капитуляции Берлина в 1760 г. соединенным русско-австрийским силам в эпоху так называемой Семилетней войны (1756—1763 гг.). Прусский король—Фридрих II, известный своими империалистическими войнами, задачей которых было установление прусского господства в Европе. Россия при Елизавете Петровне приняла участие в коалиционной войне против Фридриха. Сдаче Берлина предшествовала блестящая победа русских войск при Кунерсдорфе (1759 г.) и штурм Берлина русскими войсками в октябре 1760 г. Одним из героев взятия Берлина был молодой Суворов.

История знает двух Краснощековых—полководцев середины XVIII в.: 1) популярного атамана донских казаков и 2) одного из генералов Елизаветинской армии. Краснощекоев постоянно упоминается в исторических песнях, связанных с крымскими походами и с войнами Шведской и Прусской в качестве одного из главных героев этих событий. Очевидно, в этом образе эллиптического героя песенных исторических циклов XVIII в. слились воспоминания обоих полководцев Краснощековых, и, главным образом, отразились впечатления от подвигов популярного донского атамана. Ему приписывалось иногда участие в событиях, к которым он и не имел действительного отношения.

Пленение королевы и ее рассказ о бегстве прусского короля—поэтический вымысел, возникший в плане художественного завершения всей картины падения прусской столицы. Изображение бегства в виде ряда превращений—один из древнейших поэтических мотивов. В некоторых вариантах к нему присоединяется еще изображение погони в образе соколиной охоты:

На окне сидит—черным вороном,
В окно вылетел—ясным соколом,
На синем море—серой уткой,
По чисту полю полетел—белой лебедью,
За ними гонится Краснощекий—ясным соколом.

Песня известна во многих вариантах (см. Киреевский, IX, стр. 154—171). Один из них был записан П. В. Киреевским в середине XIX в. от 70-летней старухи, которая несомненно должна была знать самих современников события (Киреевский, IX, стр. 159). Приведенная цитата о соколиной охоте взята из этого варианта. Публикуемый олонский вариант близок к этой древнейшей записи. В обоих рассказ о падении Берлина передан в форме „плача“ самого прусского короля.

20. Нашествие французов в 1812 г. Григорьев, I, № 29. Запись от А. Ф. Поповой в д. Колежма Беломорского р. Карелии в 1901 г.

В песне выразительно переданы впечатления от численности вторгшихся в Россию наполеоновских полчищ и жестоких схваток с ними и, одновременно, крепкая уверенность русского народа, что родную землю он отстоит. В ряде вариантов этой песни (см. Киреевский, X, стр. 33—42) молодец, разъезжающий на коне перед войсками и отдающий им приказания, носит имя Платова, популярного атамана донских казаков, и одного из выдающихся героев Отечественной войны 1812 г.; в этой войне Платов руководил отдельными казачьими силами.

Песня, очевидно, отразила впечатления от центральной битвы за Москву—Бородинского сражения.

Она осложнилась включением мотива из более ранней песни о смерти генерала В. А. Лопухина в битве под Гросс-Егерсдорфом в 1775 г. (см., напр., Киреевский, IX, стр. 100).

21. Платов и Кутузов. Григорьев, I, № 60 (96). Запись от Ф. Ошурковой на Пинеге, в д. Чакола Пинежского района в 1900 г.

Кутузов и Платов (см. примечание к № 20)—главные герои песенного цикла, связанного с Отечественной войной 1812 г. Очень часто оба имени объединяются в одной песне, как это мы и видим в публикуемом варианте. Изображение Кутузова в момент обращения его к войскам со словами, воодушевляющими их на борьбу, стало традиционным в исторических песнях о 1812 г.

22. Платов в гостях у французов. Киреевский, X, стр. 72. Запись П. И. Савванитова в 1841 г. в г. Вологде.

Песня о смелой разведке Платова представляет чрезвычайно популярный сюжет, сохранившийся в народной памяти до наших дней. Известна в большом количестве вариантов из разных районов (см., напр.; Киреевский, стр. 50—81). Содержание песни—одна из многочисленных легенд, сложившихся вокруг имени Платова.

Матвей Иванович Платов—известный атаман донских казаков, участник турецких и персидских войн 2-й половины XVIII в. и турецкой войны 1810—1812 гг. Особенно прославился в Отечественную войну своими победами у Городни, Царева Займища, под Духовщиной, Смоленском, Дубровной и др. Помимо большой храбрости и военных талантов, отличался умом и независимым характером.

Во всех вариантах песни Платов назван казаком, в некоторых он изображен как казачий атаман. „Чрез закон Платов ступил—свою бороду обрил“—указание на обычай казаков, в большинстве являвшихся старообрядцами, отпускать бороды.

23. Кутузов. Киреевский, X, стр. 31. Запись Ст. П. Коралева с указанием, что в данной редакции песня известна в Новгородской и Пермской губерниях.

Песенный сюжет о допросе пленного майора, который тщетно пытается устроить русского полководца, сложился еще в XVIII в. и был связан первоначально с именем полководца Петровской эпохи Б. П. Шереметева (см. № 14). В связи с войной 1812 г. сюжет был переоформлен и применен к двум главным героям песенного цикла об Отечественной войне 1812 г.—к Кутузову и к Платову (см., напр., Киреевский, стр. 47—49). В публикуемом варианте находим отклик на заключительный акт Отечественной войны—взятие Парижа в 1815 г.

В одном саратовском варианте (Киреевский, X, стр. 48) имеется еще следующая концовка:

И ворота нам в Париж открыли,
И знамена нам французы преклонили.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

- Ба́йна—бана
Банба́ндёр—бомбардир, чин в артиллерии в старину.
Ба́ско—красиво.
Ба́хманец—бахмат, порода малорослых лошадей.
Благоде́р—бригадир, военный чин.
Верши́ть (головой)—окончить жизнь.
Ветле́ный (стружок)—ветляк, сделанный из ветлы.
Всб́ину—особенно, отдельно.
Вто́пить (очи)—потупить.
Вя́рботиться—заработать.
Вя́рядиться—включиться в ряд, в уговор, выговорить.
Еге́рь—стрелок, солдат егерского полка.
Ерля́к—ярлык, грамота.
Есау́л—помощник атамана.
Ка́мочика—камочка, камка, шелковая цветная, узорчатая ткань.
Кабан—посуда особой формы.
Кося́щатый—с косяками, народно-поэтический эпитет окна.
Магазе́и—магазины.
Мелко́травчатый—тканый мелким узором.
Мост—пол.
Мушкэ́т—короткое боевое ружье.
Након—раз, прием
Нафа́ляться—нахваляться, хвастаться.
Не́как—никак.
Ободве́рина—дверной косяк.
Опе́на—опала, от слова „пенять“—корить.
Опочи́н—опочив, сон.
Опри́шено—опричь, кроме.
Ора́ть—пахать.

Парáтий — парадный.
 Перстíрский — персидский.
 Пйщик — писец.
 Повы́торкать (глотки) — повыдрать.
 Подборóтний — побежденный.
 Поленйца — богатырь, богатырка.
 Полóн — плен, пленники.
 Посидéльщик (в тюрьме) — заключенный.
 Прáвеж — взыскание денег с истязанием.
 Растрóркать — разодрать.
 Растрйга — лишенный сана священника или монаха.
 Рудá — кровь
 Сэреда — пол.
 Серпентинный — здесь вероятно, украшенный серпентином, разноцветным камнем (змеевиком).
 Со ярбóм — с гербом.
 Стружóк — струг, лодка из выдолбленного дерева.
 Токó — токмо, только.
 Тьма — десять тысяч.
 Уклáдный — стальной.
 Укрéпа — крепость.
 Урванéц — сорванец, удалец.
 Черлéный — червлёный, красный.
 Чóботы — башмаки.
 Шахмáтинский (шелк) — шемаханский.
 Шеймы — канаты.
 Шомышка — хозяйская, жилая часть избы.
 Штаф — военный или гражданский чиновник определенного класса.
 Щéпетко — щегольски.
 Ярб, см. со ярбом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
А. Астахова. Исторические песни русского народа.	5
Исторические песни	
1. Авдотья женка-Рязаночка	14 53
2. Шелкан Дуденьевич.	16 54
3. Взятие Казани.	18 54
4. Осада Пскова Баторием.	19 55
5. Кострюк.	21 56
6. Иван Грозный и его сыновья.	25 56
7. Гришка Отрепьев.	29 57
8. Смерть Скопина.	30 57
9. Скопин (Освобождение Москвы).	33 58
10. Земский собор.	34 59
11. Степан Разин.	36 59
12. Смерть Степана Разина.	37 59
13. Князь Голицын.	39 60
14. Шереметев и майор земли Шведской.	40 60
15. Полтавское дело.	41 61
16. Взятие Риги.	43 61
17. Шведская война.	43 61
18. Захар Чернышев в плену.	45 62
19. Прусский король (Взятие Берлина).	47 62
20. Нашествие французов в 1812 г.	48 63
21. Платов и Кутузов.	49 63
22. Платов в гостях у француза	50 64
23. Кутузов.	51 64
Примечания	53
Словарь местных и малопонятных слов	66

¹ Первая колонка цифр обозначает страницу текста, вторая — примечания.